Подається російською мовою

Перевод Л. Черной

Действующие лица

КЮРМАН.

АНТУАНЕТА.

РЕГИСТРАТОР.

Г-ЖА ХУБАЛЕК.

СТАРЫЙ РЕКТОР.

ШМИГ, десятилетний мальчик.

КАПРАЛ.

МАТЬ.

ВРАЧ.

СЕСТРА АГНЕСА.

ЭЛЕН мулатка.

ОТЕЦ.

НЕВЕСТА.

РОДИТЕЛИ НЕВЕСТЫ.

ПАСТОР.

РЕБЕНОК на свадьбе.

ТОМАС сын Кюрмана.

ЭМИГРАНТ.

ПРОФЕССОР КРОЛЕВСКИЙ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ в балетной школе.

МОЛОДАЯ БАЛЕРИНА.

ОФИЦИАНТ.

НЕПРОШЕНЫЕ ГОСТИ.

ХЕНРИК агент по рекламе.

ЖЕНА Хенрика.

ЭГОН ШТАХЕЛЬ.

ЖЕНА Эгона.

ШНЕЙДЕР.

ХОРНАКЕР новый ректор.

ПИНА калабрийка.

ШМИГЛЕР атташе.

МАРЛИС.

АССИСТЕНТ.

"Я часто думаю: что, если бы начать жить снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массою света... У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!"

(Вершинин из "Трех сестер" А. Чехова)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Посредине освещенной сцены стоит мебель. Перед нами — современно обставленная комната: справа письменный стол, слева кушетка, кресло и торшер; сбоку — от пола доверху — книжные полки; других стен нет.

В кресле, сложа руки, сидит молодая женщина в вечернем туалете, она в роговых очках. Тишина. Потом где-то неподалеку начинают барабанить на рояле. Мы слышим несколько тактов, пауза, снова те же такты, как будто идет репетиция. Затем опять наступает тишина. Молодая женщина по-прежнему сидит и чего-то ждет. Появляется человек с папкой и подходит к конторке, стоящей на авансцене слева и не имеющей отношения к комнате. Человек кладет папку на конторку и включает лампу дневного света.

Регистратор. Итак, он сказал: если бы он мог начать сначала, он знал бы точно, как по-иному строить жизнь.

Молодая женщина улыбается.

Вы не возражаете, если мы разрешим ему переиграть?

Молодая женщина кивает.

Ему, например, хотелось бы восстановить первую встречу с вами. (Листает досье, читает.) "Двадцать шестого мая тысяча девятьсот шестидесятого года. У меня были гости. Время уже позднее. Гости наконец разошлись, но она все еще сидит. Сидит и молчит. Как вести себя в два часа ночи с незнакомой женщиной, которая не желает уходить? Того, что случилось, могло не быть". (Выключает лампу дневного света). Прошу вас.

Дается свет на основную площадку.

За сценой голоса, смех. Наконец наступает тишина, и вскоре после этого входит Кюрман, что-то насвистывая. Увидев молодую женщину, замолкает.

Антуанета. Скоро и я пойду.

Молчание.

Кюрман (стоит в нерешительности, потом начинает убирать со стола бутылки и рюмки, убирает пепельницы. Опять в нерешительности останавливается). Вам нездоровится?

Антуанета. Нет, что вы! (Берет сигарету.) Выкурю еще одну сигарету и пойду. (Тщетно ждет, что Кюрман подаст ей огня.) Если, конечно, я

вам не мешаю. (Закуривает сама, затягивается.) Мне понравилось. У вас, по-моему, очень милые знакомые, очень интересные…

Молчание.

А выпить еще у вас найдется?

Кюрман (подходит к маленькому бару, наливает рюмку виски. Проделывает это очень обстоятельно, чтобы подчеркнуть свое молчание — дескать, он вежлив, поскольку ничего другого не остается). Вам со льдом? (Передает ей рюмку виски.)

Антуанета. А вы не будете пить?

Кюрман. Мне завтра работать.

Антуанета. Что у вас за работа?

Часы бьют два раза.

Кюрман. Уже два часа.

Антуанета. Вы кого-нибудь ждете?

Кюрман. Нет, что вы!

Антуанета. Устали?

Кюрман. Падаю с ног.

Антуанета. Почему же не садитесь?

Кюрман по-прежнему стоит и молчит.

Не могу пить быстрее. (Пауза.) Собственно, мне просто захотелось еще раз услышать ваши старинные часы. Такие часы — моя слабость. Они бьют, фигурки начинают двигаться и делают одни и те же движения. Все известно наперед, но каждый раз это почему-то волнует. Правда?

Кюрман. Еще рюмку?

Антуанета (тушит сигарету). Пора идти.

Кюрман. Вы на машине?

Антуанета. Нет.

Кюрман. Разрешите отвезти вас?

Антуанета. Я думала, вы устали.

Кюрман. Ни капельки.

Антуанета. И я тоже. (Берет еще сигарету.) Почему вы на меня так смотрите? Может, дадите мне закурить? Почему вы на меня так смотрите?

Кюрман (предлагает ей огня, подходит к бару, наливает себе рюмку виски; стоит спиной к Антуанете, держа в руках рюмку, но не пьет). Вы что-то сказали?

Антуанета. Нет.

Кюрман. И я нет.

Молчание. Антуанета невозмутимо курит. Кюрман, взглянув на нее, садится в кресло, положив ногу на ногу, и всем своим видом показывает, что он ждет. Молчание.

Какого вы мнения о Витгенштейне[6]?

Антуанета. Почему вы вдруг вспомнили Витгенштейна?

Кюрман. Просто так. (Пьет.) Не можем же мы молчать до тех пор, пока не забрезжит рассвет и не зачирикают пташки. (Пьет.) А что вы скажете о деле Кролевского?

Антуанета. Кто такой Кролевский?

Кюрман. Профессор Кролевский. Он ведь был у меня сегодня вечером, профессор Владимир Кролевский. Какого вы мнения о марксизме-ленинизме? С тем же успехом, впрочем, я мог бы спросить, сколько вам лет.

Антуанета. Двадцать девять.

Кюрман. Чем вы занимаетесь? Где живете?

Антуанета. В настоящее время в Париже.

Кюрман. Но, честно говоря, я не чувствую потребности знать это — ни малейшей. И спрашиваю, только чтобы прервать молчание и не казаться невежливым. В два часа ночи. Вы заставляете меня проявлять любопытство, которое мне несвойственно. Честно говоря. И вообще, знаете ли, весь разговор затеян с тем, чтобы в этой комнате в два часа ночи люди о чем-то говорили. (Пьет.) Знакомая ситуация…

Антуанета. Какая?

Кюрман. Чем молчаливее дама, тем печальнее положение мужчины: за скуку всегда отвечает он. Чем больше я пью в подобных случаях, тем хуже у меня работает фантазия, а чем хуже у меня работает фантазия, тем откровенней, тем задушевней я становлюсь. И все из-за этого тет-а-тета. В два часа ночи. (Пьет.) Знакомая ситуация… (Пьет.) А вы вообще меня не слушаете, ей-богу, не слушаете. Курите себе, молчите и ждете, пока я не перестану болтать, оказавшись лицом к лицу с тем, так сказать, голым фактором, что мы с вами мужчина и женщина.

Антуанета (тушит сигарету). Почему вы не заказываете такси?

Кюрман. Жду вашего слова.

Антуанета (после паузы). А я вас с интересом слушаю.

Кюрман (поднимается). Вы играете в шахматы?

Антуанета. Нет.

Кюрман. Сегодня ночью научитесь.

Антуанета. Не понимаю.

Кюрман выходит.

Почему вы не заказываете такси?

Входит Кюрман с шахматами.

Кюрман. Вот это — пешки. Назад не ходят. Это — конь. Есть еще ладьи. Это — слоны, один на белом поле, другой — на черном. А это — королева. Ей все дозволено. Король. (Пауза. Расставляет фигуры.) Я не

устал, но мы не можем молчать до тех пор, пока не забрезжит рассвет и не зачирикают пташки. Молчать как каменные.

Антуанета берет сумочку и поднимается.

Ночуйте, пожалуйста, здесь, хотя, честно говоря, лучше, если вы этого не сделаете. Лучше для меня.

Антуанета садится на кушетку, подкрашивает губы.

(Стоит у шахматной доски, набивает трубку, не отрывая глаз от доски.) Ваш ход.

Антуанета. Мне тоже завтра работать.

Кюрман. Вы, как гостья, играете белыми. (Раскуривает трубку.) Я не пьян, так же как и вы, и мы оба понимаем, чего нам не следует делать. (Зажигает еще одну спичку.) Я не влюблен. (Зажигает третью спичку.) Вот видите, какой у нас пошел откровенный разговор. Именно этого я и опасался. И притом я даже не знаю, как вас зовут.

Антуанета. Антуанета.

Кюрман. Мы с вами только сегодня познакомились, позвольте узнать ваше полное имя.

Антуанета. Антуанета Штейн.

Кюрман. Итак, фрейлейн Штейн…

Антуанета (прячет тюбик с помадой). Я не играю в шахматы. (Вынимает пудреницу.)

Кюрман. Согласен объяснять вам каждый ход. Вы идете с королевской пешки. Ладно, я страхуюсь и тоже иду с королевской пешки. Теперь вы вводите в игру коня.

Антуанета пудрится.

Кюрман. Фрейлейн Штейн, я о вас очень высокого мнения.

Антуанета. Почему вдруг?

Кюрман. Сам не знаю. Зато знаю другое — знаю, что произойдет, если мы не засядем за шахматы. Я буду вас боготворить. Предупреждать ваши желания. Это я умею. Носить вас на руках. Вы этого достойны. Поверю, что не могу жить ни минуты без Антуанеты Штейн. Вы станете моей путеводной звездой на целых семь лет. Я буду носить вас на руках, а потом выяснится, что нам обоим нужны адвокаты.

Антуанета захлопывает пудреницу.

Давайте играть в шахматы.

Антуанета поднимается.

Что вы ищете?

Антуанета. Свою накидку.

Кюрман (встает и подает ей накидку). Целых семь лет мы будем друг другу благодарны, Антуанета, если вы позволите мне заказать сейчас такси.

Антуанета. Прошу вас.

Кюрман (подходит к телефону и заказывает такси). Такси сейчас придет.

Антуанета. Благодарю.

Кюрман. А я благодарю вас.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Как две кошки. Мяу. Шипите! Цшш. А то я буду шипеть. Цшш.

Антуанета берет сигарету.

Мяу, мяу, мяу.

Антуанета закуривает.

Здорово. Я говорю о ваших глазах. Когда вы затягиваетесь, глаза у вас почти закрываются. Остаются одни щелки. Просто здорово.

Антуанета. Цшш.

Кюрман. Мяу.

Антуанета. Мяу.

Оба. Мяу-у-у-у. (Смеются.)

Антуанета. Шутки в сторону.

Кюрман. Шутки в сторону. (Снимает с нее накидку.)

Антуанета. Что вы делаете?

Звонок в дверь.

Это такси.

Кюрман. Шутки в сторону. (Снимает с нее очки.)

Антуанета. Погасите хотя бы свет!

Кюрман. Можно начать сначала?

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. С какого места вы хотите начать?

Кюрман. Часы бьют два раза.

Регистратор. Как угодно.

Кюрман (отдает очки Антуанете). Извините.

Антуанета. Пожалуйста. (Садится в кресло.)

Лампа дневного света гаснет.

Регистратор. Начинаем.

Часы бьют два раза.

Антуанета. Собственно, мне просто захотелось еще раз услышать ваши старинные часы. Также часы — моя слабость. Когда они бьют, фигурки начинают двигаться и делают одни и те же движения. Все известно наперед, но каждый раз это почему-то волнует.

Кюрман. Знаю.

Антуанета. Правда?

Кюрман подходит к часам, подкручивает их. Раздается веселая музыка. Подкручивает часы опять, а потом валик кончается.

Кюрман. Чем еще могу служить? (Идет к бару.) К сожалению, виски больше нет.

Антуанета. Пусть это вас не беспокоит. (Берет сигарету.) Какого вы мнения о Витгенштейне?

Кюрман. Мне завтра работать.

Антуанета. Чем вы занимаетесь?

Кюрман пьет.

Регистратор. Дальше.

Кюрман. Я психолог. Занимаюсь бихевиоризмом, наукой о поведении. (Пьет.)

Регистратор. Дальше!

Кюрман. В восемь придет Хубалек.

Антуанета. Кто это?

Кюрман. Моя экономка.

Регистратор. Стоп!

Зажигается лампа дневного света.

Этого вы не могли сказать, господин Кюрман. В два часа ночи у вас в гостях оказалась молодая женщина, и вы сразу вспомнили, что в восемь утра к вам придет экономка.

Кюрман. Начнем еще раз.

Регистратор. А потом вы сообщаете, что виски больше нет. И, солгав, немедленно открываете новую бутылку виски, наливаете себе и пьете.

Антуанета. Этого я даже не заметила.

Кюрман. Начнем еще раз!

Регистратор. Сначала?

Кюрман. Да, пожалуйста.

Регистратор. Как угодно.

Кюрман. А почему она сейчас без очков?

Регистратор. Это уж на усмотрение дамы. Вас ее очки не касаются, господин Кюрман. Менять можно только собственное поведение. Держитесь непринужденней, очки здесь ни при чем. Не повторяйте все время про себя "знакомая ситуация". Вы входите насвистывая — человек на гребне своей карьеры, — только что вам присвоили профессорское звание.

Кюрман. Знаю.

Регистратор. Вас чествовали, вечеринка-экспромт. Вы в первый раз увидели свою будущую жену — ведите себя непринужденней.

Кюрман. Легко сказать.

Регистратор. Непринужденно и естественно.

Кюрман выходит.

Антуанета. Сначала?

Регистратор. Если позволите.

Лампа дневного света гаснет.

Антуанета. Так что же, надевать мне очки или нет?

За сценой голоса, смех. Наконец наступает тишина, и вскоре после этого входит Кюрман, что-то насвистывая. Увидев молодую женщину в кресле, замолкает.

Скоро и я пойду.

Кюрман. Вам нездоровится?

Антуанета. Нет, что вы! (Берет сигарету.) Выкурю еще одну сигарету и пойду. (Тщетно ждет, что Кюрман подаст ей огня; закуривает сама.) Если, конечно, я вам не мешаю. (Курит.) Мне понравилось. У вас, по-моему, очень милые знакомые, очень интересные…

Кюрман молчит.

Регистратор. Дальше!

Кюрман подходит к бару, наливает рюмку виски.

Регистратор. Только не думайте теперь о Хубалек. Кюрман дает рюмку Антуанете.

Антуанета. А вы?

Кюрман. Мне завтра работать.

Антуанета. Чем вы занимаетесь?

Пауза.

Регистратор. Опять молчите?

Антуанета (надевает очки). Почему вы на меня так смотрите?

Регистратор. Чем дольше вы молчите, тем двусмысленней становится молчание. Неужели не понятно? И тем откровенней последующий разговор.

Антуанета. Почему вы на меня так смотрите?

Часы бьют два раза.

Кюрман. Уже два часа.

Антуанета. Пора идти.

Кюрман. Вы на машине?

Антуанета. Да. (Невозмутимо курит.)

Кюрман. Тогда она сказала — нет, не на машине, теперь говорит — на машине. Стало быть, такси заказывать нельзя. Ее отсюда не вытуришь.

Регистратор (вмешивается в их разговор). Позвольте объяснить вам ошибку, которую вы совершаете каждый раз. Не успели вы увидеть эту молодую, совершенно незнакомую женщину, как сразу представили себе все, что было потом. Правильно? Вот почему вы напуганы, не находите слов…

Кюрман. Пусть уйдет.

Регистратор. Чтобы не стать вашей женой?

Кюрман. Да.

Регистратор. Видите, настоящее для вас не существует, только воспоминания. Вот в чем дело. Вы все время думаете о будущем, которое испытали на своей шкуре. И поэтому каждый раз возвращаетесь к одному и тому же.

Кюрман. Почему она но уходит?

Регистратор. Не может.

Кюрман. Отчего?

Регистратор. Если она возьмет сейчас сумочку и поднимется, значит, она прочла ваши мысли, а ей это неприятно. Почему бы вам не рассказать о своей работе? В популярной форме. На каком основании вы считаете, что дама хочет от вас что-то такое, чего вы не хотите? Щекотливую обстановку создаете вы сами.

Кюрман. Гм…

Регистратор. По-вашему, вы разбираетесь в женщинах, а на самом деле совершаете с каждой женщиной одну и ту же ошибку.

Кюрман. Дальше!

Регистратор. Она не уходит по вашей вине. (Возвращается к конторке.) Итак…

Часы бьют два раза.

Кюрман. Уже два часа.

Антуанета (тушит сигарету). Вы кого-нибудь ждете?

Кюрман. Да.

Регистратор. Хорошо.

Кюрман. Но не женщину.

Регистратор. Очень хорошо.

Кюрман. Я жду юношу.

Антуанета берет сумочку.

Я жду юношу.

Регистратор. Зачем повторять? Можно подумать, что вы сами в это не верите. И не надо говорить "юноша". Так говорят только непосвященные. Говорите — студент-шахматист. Молодой человек,

очень талантливый. Молодое дарование, вы ему покровительствуете. Не стесняйтесь, говорите, что он гений. Только и всего.

Кюрман. Кажется, стучат?

Антуанета. Я ничего не слышала.

Кюрман. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

Регистратор. Хорошо.

Кюрман. Каждую ночь начинаются волнения… (Смял пустую пачку от сигарет.)

Антуанета. У меня нет ни одной сигареты!

Кюрман (зажигает трубку). Студент… Очень одаренный… К сожалению, болезненно ревнив: если увидит в два часа ночи у меня в доме женщину, может начать стрельбу.

Регистратор. Не переигрывайте!

Кюрман. Он сицилианец… Но блондин, понимаете, блондин с голубыми глазами… Норманская кровь… А рот у него, как ни странно, греческий… Между прочим, музыкант-виртуоз… Между прочим, правнук Пиранделло.

Регистратор. Слишком многословно.

Антуанета. Надеюсь, с вашим другом ничего не случилось.

Кюрман с остервенением сосет трубку.

Вы не хотите позвонить?

Кюрман. Кому?

Антуанета. У вас есть сигарета?

Кюрман. Могу предложить только трубку. (Обтирает мундштук, передает трубку Антуанете.)

Антуанета. А вы?

Кюрман. Табак легкий. Early morning pipe[7].

Антуанета сует трубку в рот.

Но все это, фрейлейн Штейн, должно остаться между нами. Понимаете, в университете никто ничего не знает.

Антуанета закашлялась.

Тяните медленно и равномерно. (Берет трубку и показывает, как надо курить.) Вот так. Понятно? Очень просто. (Вытирает мундштук и возвращает Антуанете трубку.) Медленно и равномерно.

Антуанета (посасывает трубку медленно и равномерно). И при этом вы можете думать?

Кюрман. Конечно. Следите только, чтобы трубка не перегрелась.

Антуанета (посасывает трубку медленно и равномерно). У всех моих друзей — я имею в виду настоящих друзей — те же странности, что и у вас. (Попыхивает трубкой.) Почти у всех. (Попыхивает трубкой.) Можно

сказать, у всех. (Попыхивает трубкой.) Зато остальные мужчины просто невыносимы. Рано или поздно они перестают вас понимать.

Кюрман. Неужели?

Антуанета. Ну конечно. (Закашлялась.)

Кюрман. Медленно и равномерно.

Антуанета (посасывает трубку медленно и равномерно). Хорошо, что у меня, например, есть Клод Филипп.

Кюрман. Кто такой Клод Филипп?

Антуанета. Мой парижский друг. Мы вместе живем. Настоящий друг. Он меня ничем не стесняет, могу приходить и уходить, когда вздумается, — он все поймет.

Кюрман. Кто он по профессии?

Антуанета. Танцовщик.

Кюрман. Вот как!

Антуанета. Все остальные мужчины, почти все, даже самые умные, нагоняют тоску. Стоит оказаться с ними с глазу на глаз, и они либо начинают плакаться тебе в жилетку, либо нервничают. А потом вдруг оказывается, что в голове у них нет ни одной мысли, кроме той, что ты молода и что ты женщина. Никто не спросит, чем ты занимаешься. А когда ты рассказываешь о своей работе, они видят только твои губы. Какой-то кошмар! Попробуй остаться с ними наедине в два часа ночи — им бог знает что взбредет на ум… И притом все они, особенно интеллигенты, трусы. (Сосет трубку.) Потухла.

Кюрман берет трубку, опять раскуривает.

Я рада, что встретила вас, ей-богу, очень рада.

Кюрман. Неужели?

Антуанета. У меня нет братьев. (Поднимается.)

Кюрман. Вы уже идете?

Антуанета. Мне завтра тоже работать.

Кюрман. Чем вы занимаетесь?

Антуанета. Перевожу. Я из Эльзаса. Клод Филипп мне помогает. Немецкий он, правда, не знает, зато чувствует каждый оттенок, прямо невероятно! (Пауза.) Надеюсь, с вашим другом действительно ничего не случилось.

Кюрман (помогает ей одеться). Располагайте мною, буду рад.

Антуанета. Какой вы милый.

Кюрман берет ее за руку.

Регистратор. Стоп!

Зажигается лампа дневного света.

Почему вы хватаете ее за руки?.. Ведите себя, как брат. "... Чувствует каждый оттенок" и так далее, но руки держите в карманах... Вы ведь как брат с сестрой.

Кюрман пытается принять соответствующую позу.

Более непринужденно! (Выходит на середину сцены, снимает с Антуанеты накидку, становится на место Кюрмана, чтобы показать, как тот должен вести себя.) Повторите последнюю фразу.

Антуанета. У меня нет братьев.

Регистратор. А вы что сказали в ответ?

Кюрман. Это не последняя фраза.

Антуанета. Все мои друзья — я имею в виду настоящих друзей, с которыми дружишь всю жизнь, — гомосексуалисты. Почти все. Собственно говоря, все.

Регистратор. И что вы на это ответили?

Кюрман. Сейчас она говорит совсем не то.

Антуанета. Хорошо, что у меня есть Клод Филипп.

Кюрман. Теперь похоже. Но это она сказала раньше: в Париже у нее есть настоящий друг — танцовщик. Не могу же я на это ответить: располагайте мною, буду рад.

Регистратор. Повторите свою последнюю реплику.

Кюрман. Располагайте мною, буду рад.

Регистратор. А что вы на это ответили?

Антуанета. Какой вы милый.

Регистратор подает ей накидку.

Кюрман. Извините, но здесь что-то не так. Если я сейчас подам накидку, как же мне держать руки в карманах, учитывая еще, что она расчувствовалась? Попробуйте сами.

Регистратор (забирает накидку). Хорошо…

Антуанета. Я счастлива, что встретила вас, ей-богу, очень счастлива.

Регистратор. Дальше.

Антуанета. У меня нет братьев.

Регистратор. Это мы уже слышали.

Кюрман. Чем вы занимаетесь?

Антуанета. Перевожу.

Регистратор. Нет.

Антуанета. Я из Эльзаса.

Регистратор. Повторите последнюю фразу перед накидкой.

Кюрман. Клод Филипп, правда, не знает немецкий, зато он чувствует каждый оттенок.

Антуанета. Прямо невероятно!

Регистратор. И что вы ответили?

Кюрман. Ничего. Но подумал, как это француз, который ни слова не знает по-немецки, может чувствовать каждый оттенок. (Пауза.) Надо признаться, что здесь я мог бы спросить: что вы переводите?

Антуанета. Адорно[8].

Регистратор. Но это не было сказано.

Антуанета. Потому что он не спрашивал.

Кюрман. Потому что я хочу, чтобы она ушла. Про себя я подумал: почему ей не сидится в Париже? Но это не мое дело. (Пауза.) Я замолчал, и она решила, что я вспомнил этого своего юношу.

Антуанета. Надеюсь, с ним действительно ничего не случилось.

Регистратор. Дальше!

Кюрман. Вы уже идете?

Антуанета. Мне завтра тоже работать.

Кюрман. Чем вы занимаетесь?

Антуанета. Перевожу.

Регистратор. Боже мой!

Антуанета. Я из Эльзаса.

Регистратор (у него падает из рук накидка). Прошу повторить последнюю реплику — перед тем как Кюрман подал накидку и совершил ошибку, взяв Антуанету за руку.

Кюрман. Почему ошибку?

Регистратор. Рукопожатие вас сразу выдало.

Антуанета. Зато все остальные мужчины просто невыносимы. Рано или поздно они перестают вас понимать. Почти обязательно.

Кюрман. Правда?

Антуанета. Ну конечно.

Регистратор (подает накидку). Располагайте мною, буду рад.

Антуанета. Какой вы милый.

Регистратор (сует руки в карманы, потом отходит в сторону). Понятно? Вы как брат и сестра. Даже если она вас поцелует — что отнюдь не исключено, не забывайте: вы ждете молодого сицилианца. Только потому она и целует вас. У нее развязаны руки — вы не настоящий мужчина, господин Кюрман, не мужчина, даже наедине с женщиной.

Кюрман. Понятно.

Регистратор. Подайте накидку еще раз.

Кюрман забирает у регистратора накидку.

Ну…

Антуанета (берет сигарету). Сигареты, стало быть, еще есть.

Кюрман подносит ей огонь.

Отчего мне не сидится в Париже? Хочу основать небольшое издательство, собственное издательство, где я буду полной хозяйкой. Вот почему я оказалась здесь. А если с издательством ничего не выйдет, займусь каким-нибудь другим делом. (Курит.) Таким, чтобы ни от кого не зависеть. (Курит.) Лучше всего открыть небольшой выставочный зал…

Регистратор. Слышите?

Кюрман. Почему она тогда об этом не рассказывала?

Регистратор. Она хочет идти своим путем и не нуждается в муже, который будет считать, что без него она буквально жить не может. В муже, который готов схватиться за револьвер, поняв, что она прекрасно обходится без него.

Антуанета. Если хотите знать, меня провожал сюда молодой человек, гораздо моложе Кюрмана. Он архитектор, мечтает поехать со мной в Бразилию. (Смеется.) Зачем мне Бразилия? (Курит.) Вот почему я засиделась так поздно боюсь, что архитектор поджидает меня внизу.

Кюрман. Откуда я мог это знать?

Антуанета. И я хотела поэтому ехать на такси — не дай бог он стоит у моей машины. (Курит.) Скандалы мне ни к чему. (Гасит сигарету.) Будьте добры, дайте мне накидку.

Кюрман стоит неподвижно.

Регистратор. О чем вы задумались?

Кюрман. Об Адорно.

Регистратор. Поздно. Только теперь вы поняли, что с этой молодой женщиной надо было говорить о Гегеле, о Шёнберге[9], о Кьеркегоре[10], о Беккете...

Антуанета. Я писала диплом у Адорно.

Регистратор. Почему вы не подаете ей накидку?

Кюрман (подает Антуанете накидку). Располагайте мною, буду очень рад помочь вам здесь.

Антуанета. Вы очень милы.

Кюрман (засовывает руки в карманы брюк). Какая у вас машина?

Регистратор. Хорошо.

Кюрман. Не забудьте сумочку.

Регистратор. Если вы сию минуту не наделаете ошибок, сию минуту, в лифте, то игра выиграна — в вашей биографии не будет Антуанеты.

Кюрман (выключает верхний свет). Я провожу вас до машины.

Антуанета садится.

Почему она вдруг побледнела?

Регистратор. Потому что курила вашу трубку.

Антуанета с закрытыми глазами полулежит в кресле, ее сумочка упала на пол.

Кюрман. Я ей не верю.

Регистратор выходит на середину комнаты, щупает Антуанете пульс; Кюрман в это время стоит в стороне и набивает трубку.

Регистратор. В самом деле, небольшой коллапс. И во всем виноваты вы с вашим Early morning pipe... Только не говорите — "знакомая ситуация". Лоб у нее холодный как лед.

Кюрман закуривает трубку.

Неужели нельзя воздержаться от курения? Надо открыть окно. Вы ведете себя, как последний хам.

Кюрман. Лучше уж сейчас, чем через семь лет.

Регистратор. Ваше дело.

Антуанета поднимается.

Но она ни в коем случае не может ехать.

Антуанета. Мне надо домой...

Регистратор. Неужели вы не понимаете?

Антуанета. Я должна лечь...

Регистратор. Нельзя рисковать чужой жизнью.

Антуанета сбрасывает накидку.

Может, вы ей принесете стакан воды? Вашей гостье дурно. Принесите ей по крайней мере стакан холодной воды.

Кюрман выходит.

Антуанета. Извините... (Расстегивает вечернее платье — она должна лечь, иначе потеряет сознание.)

Возвращается Кюрман со стаканом воды и видит, что Антуанета лежит на кушетке.

Извините...

Кюрман. Пейте.

Антуанета. Такого со мной еще не случалось... Неожиданно... закружилась голова...

Кюрман. Может, вызвать врача?

Антуанета. Не смотрите на меня... (Пауза.) Мне так неловко.

Регистратор. Она простудится.

Кюрман. Знакомая ситуация...

Регистратор. Принесите-ка лучше одеяло.

Кюрман. Принесу одеяло, потом выну носовой платок, оботру ей лоб... Оботру виски, лоб, веки. Себя в роли самаритянина я знаю. Сварю кофе, буду сидеть подле нее, молчать, сидеть, сниму с нее туфли, чтобы ей было удобно, а под конец она воскликнет: "Погасите хотя бы

свет!" (Пауза.) Не стесняйтесь, Антуанета, это с каждым может случиться, Антуанета, не стесняйтесь. (Снимает с нее туфли.)

Антуанета. Что вы делаете?

Кюрман. Хочу, чтобы вам было удобно. (Ставит туфли на ковер.)

Антуанета. Погасите хотя бы свет!

Темнота.

Кюрман. Стойте! Кто погасил свет? Стойте!

Теперь освещена вся сцена.

Регистратор. Не хотите дальше?

Кюрман. Нет.

Регистратор. Как хотите.

Антуанета (поправляет платье). А где мои туфли?

Кюрман. Извините.

Антуанета. Где же мои туфли?

Кюрман отдает ей туфли.

Регистратор. Вы сказали: "Если бы я мог еще раз начать сначала, то точно знал бы, как по-иному строить жизнь".

Кюрман. Не отрицаю.

Регистратор. Почему же вы строите все по-старому?

Антуанета (надевает туфли). Он совершенно прав: это было вовсе не обязательно. И я в него не влюблялась. Ничуть. На следующее утро тоже. (Надев туфли, встает.) А что из этого вышло? Я тоже была бы рада, если бы это не произошло.

Регистратор (перелистывает досье). С какого места вы хотели бы начать снова?

Кюрман. С более раннего.

Регистратор. С какого именно?

Кюрман. До этой ночи. До того, как я стал профессором и люди пришли меня чествовать. До того, как я встретился с Антуанетой.

Регистратор. Пожалуйста.

Антуанета (берет свою накидку). Всего доброго. (Уходит.)

Кюрман. Дурацкая история.

Регистратор. Ее можно заменить другой.

Кюрман. Бессмысленная история.

Регистратор. Вам, господин профессор, дано право еще раз начать жизнь с того места, с какого вы пожелаете, вы еще раз можете все переиграть.

Кюрман берет бутылку виски.

Поняли?

Кюрман наливает себе рюмку виски.

Вы слишком много пьете.

Кюрман. Вас это не касается.

Регистратор. Я просто высказываю вслух ваши собственные мысли.

Кюрман (стоя пьет). Кто вы такой?

Регистратор. Я? (Перелистывает досье.) Здесь записана вся ваша жизнь, та жизнь, которую вы до сих пор прожили. До сорока с лишним лет. Вам есть чем похвастаться. Хотя, с другой стороны, жизнь у вас была довольно-таки заурядная. Но как ученый вы как будто приобрели известность. Принято считать, что без рефлекса Кюрмана немыслима современная наука о поведении. Собственно, вам осталось только одно: получить приглашение в Принстон.

Кюрман. Я спрашиваю, кто вы такой?

Регистратор. Я регистратор. (Поскольку Кюрман не понимает.) Записываю, как вы используете предоставленную вам возможность изменить свою жизнь. Только и всего. То, чего не позволяет реальная действительность, позволено на сцене: менять, начинать сначала, переигрывать свою биографию…

Кюрман (не отводит глаз от рюмки). Биография! Отказываюсь верить, что биография — будь то моя биография или любого другого человека — не могла бы быть иной. Совершенно иной. Достаточно один раз повести себя по-другому, и…

Регистратор. Прошу вас.

Кюрман. Не говоря уже о всевозможных случайностях. (Пауза.) Эта квартира мне опротивела.

Регистратор. Как угодно.

Мебель исчезает, стена из книжных полок тоже. Теперь сцена пуста.

Кюрман по-прежнему стоит с рюмкой в руке, не обращая внимания на перемену декораций.

Прошу вас.

Кюрман. Да, один-единственный раз в жизни… Мне тогда исполнилось семнадцать, и я ехал на велосипеде… Помню все до мельчайших подробностей. Надвигалась гроза, но так и не началась, сверкали зарницы, клубы пыли вздымались до самых крыш, пахло бузиной и смолой… Так вот, в тот день я в первый и последний раз в жизни вдруг прозрел. И это продолжалось целых четверть часа. По-настоящему прозрел. Но вспомнить, о чем я тогда думал, немыслимо. Для этого я слишком глуп. (Выпивает рюмку.) Слишком глуп. (Смотрит на регистратора.) Единственное, чего я хочу, если мне разрешено начать сначала, — это другой склад ума.

Регистратор. Извините, но…

Кюрман. Мое единственное желание!

Регистратор. Вы не поняли правила игры: вам разрешили начать снова, но только с тем же интеллектом, каким вас наделила судьба. Интеллект дан заранее. Конечно, вы можете его по-разному использовать. Это в вашей воле. Так, вы можете, принимая решения, либо считаться с доводами рассудка, либо пренебрегать ими. Можете

употребить свой ум на то, чтобы избегать ошибок, или на то, чтобы задним числом оправдывать их. Тут вам предоставляется право выбора. Желая выделиться, можно обратить свой ум на узкую сферу и стать специалистом в какой-либо области, например, в политике. Можно также утопить свой ум в религии или в вине. Можно, наконец, скупо тратить его, довольствуясь ролью скептика. Как вам угодно. Но ни остроту ума, ни, так сказать, его потенциальные возможности, его валентность менять нельзя. Понятно? Все это дано заранее.

Появляется Антуанета, она в пальто.

Кюрман. Что ей опять надо?

Антуанета. Сумочку…

Кюрман даже не пытается ей помочь.

Забыла сумочку.

Кюрман. Я ведь ясно сказал: хочу начать с более раннего времени. До того, как я познакомился со своей женой. Стало быть, ей здесь делать нечего.

Регистратор вежливо дает понять Антуанете, что она мешает.

Антуанета уходит в глубь сцены.

Свет меняется. Входит мальчик лет десяти, тепло одетый.

Регистратор. Помните малыша Шмига?

Шмиг.

Эй, эй, эй,

Чур, не бей, чур, не бей,

Профессор

Дуралей!

Кюрман. Перестань!

Шмиг.

Профессор

Дуралей,

Дуралей,

Чур не бей, чур не бей!

Регистратор. Вас дразнят. Знаете почему? Как-то раз на физкультуре вы обмолвились, что хотите стать профессором. Вы до сих пор злитесь? Через тридцать три года? В шестидесятом вы действительно стали профессором.

Появляются три господина в профессорских мантиях, ректор разворачивает профессорский диплом.

Секунду, господин ректор, секунду…

Кюрман. Текст диплома мне известен.

Шмиг.

Профессор

Дуралей,

Чур, не бей, чур, не бей!

Профессор

Дуралей!

Регистратор. Вы знаете, что случилось потом.

Шмиг.

Чур, не бей, чур, не бей,

Профессор

Дуралей!

Антуанета. Разве что-нибудь случилось? Об этом он никогда не рассказывал. Что ты сделал малышу?

Шмиг лепит снежок.

Регистратор. Тысяча девятьсот двадцать седьмой год.

Кюрман. Да.

Регистратор. Это значило бы, что вам опять предстоит…

Кюрман. Школа.

Регистратор. Переходный возраст.

Кюрман. Опять выпускные экзамены.

Регистратор. Смерть матери.

Кюрман. Опять военная служба.

Регистратор. Да, и это тоже.

Слышится солдатская песня. Слова команды: "Отделение, стой!

Смирно! Налево кругом! Направо кругом! Оружие к ноге! Отделение, вольно!"

Кюрман. Все это повторить снова?

Слышится команда: "Смирно!" Появляется капрал.

Капрал. Господин лейтенант…

Регистратор. Секунду, капрал, секунду…

Капрал. Отделение, вольно!

Шмиг хочет удалиться.

Регистратор. Побудь здесь.

Шмиг. На самом деле меня зовут не Шмиг.

Регистратор. Как же его зовут?

Кюрман. Его зовут Шмиглер, но мы звали его Шмиг, потому что он все время шмыгал носом.

Регистратор. Побудь тут. (Подходит к мальчику и отводит его на старое место.) Может быть, у тебя сохранится левый глаз. Слышишь? Может быть, у тебя сохранится левый глаз.

Капрал (щелкает каблуками). Смирно!

Регистратор. Капрал...

Капрал. На пле-чо!

Регистратор. Если позволите, я хотел бы...

Капрал. Шагом марш! Прямо!

Слышно, как солдаты идут в ногу.

Капрал. Левое плечо вперед! Марш! Ать-два! Правое плечо вперед! Марш! Ать-два! Ать-два! (Печатая шаг, уходит за незримым строем. Некоторое время еще слышна его команда.) Ать-два! Ать-два.

Тишина.

Ректор. Разрешите зачитать диплом. Речь идет, если можно так выразиться, о кульминационном пункте в жизни нашего уважаемого коллеги. Ему присвоено звание ординарного профессора, и он назначен на пост директора института бихевиоризма...

Кюрман. Шмиг, побудь здесь.

Регистратор. Может быть, господин Кюрман не хочет никаких кульминационных пунктов. Может быть, он хочет еще раз повидаться со своей матушкой.

Появляется медицинская сестра в белом халате, она катит перед собой белую больничную койку. Потом склоняется над старой женщиной, которая неподвижно лежит на койке.

Сестра. Ну как, госпожа Кюрман?.. Не понимаю. Что вы хотите сказать?.. Ни слова не понимаю, госпожа Кюрман…

Входит врач со шприцем.

Регистратор. Возможно, она хотела сказать какой-нибудь вздор, вроде того, что вам вредно пить, необходимо жениться или что вы непременно должны носить теплые носки.

Появляется девушка-мулатка, она в бикини, поверх которых накинута кофточка; девушка босиком, ноги у нее мокрые.

Элен. What's the matter?[11]

Кюрман. Mother is dying…[12]

Элен. What are you going to do?[13]

Врач (делает больной укол). Будет спать. Сердце у нее очень здоровое. Через три часа сделайте еще один укол. Я иду домой. (Уходит.)

Сестра. Госпожа Кюрман? (Уходит.)

Элен. Why don't you go to Europe?[14]

Кюрман. Элен…

Элен. Why don't you go?[15]

Появляется лодка, как раз под стать Элен; Элен прыгает в лодку и берется за весла.

Регистратор. Вам не хочется покидать Элен. Боитесь потерять ее, если улетите в Европу. Впрочем, согласно досье, у вас к тому же плохо с деньгами.

Кюрман. Дайте мне досье.

Регистратор. Пожалуйста. (Передает папку Кюрману.) Но здесь нет ничего такого, что вам неизвестно. Вы получили стипендию за год, из расчета двести долларов в месяц. Однако после этой поездки с Элен — вы купили подержанный "форд" и взяли напрокат лодку — у вас осталось всего восемнадцать долларов. Не хватит даже на то, чтобы ехать пароходом. Впрочем, "форд" вы могли бы продать. Но это ваша первая в жизни машина…

Кюрман. Да.

Регистратор. Отец у вас был булочник.

Кюрман. Да.

Регистратор. Всем задолжал. Горький пьяница.

Появляется булочник с велосипедом. Он пьян, но буквально светится добродушием.

Это было в тридцать четвертом. В тот день вам исполнилось семнадцать, и отец подарил вам велосипед. Велосипед новенький, весь блестит, блестят спицы и руль. У велосипеда есть фары — они тоже блестят, — звонок и четыре передачи. Английская марка.

Отец звонит в велосипедный звонок.

Помните?

Отец звонит в велосипедный звонок.

Согласно досье, это было исполнением всех ваших желаний. Надо думать, велосипед он купил в долг. Зато ничего подобного вы уже никогда не испытывали: шутка ли — исполнение желаний!

Кюрман. Знаю.

Регистратор. Хотите еще раз получить в подарок велосипед?

Отец. Ганнес!

Регистратор. Секунду, господин Кюрман-старший, одну секунду…

Отец. Почему он не берет?

Регистратор. Секунду…

Отец невнятно бормочет ругательства.

Кюрман. И мне, стало быть, опять семнадцать?

Регистратор. Точно.

Кюрман. А то побоище со снежками?

Регистратор. Уже произошло.

Кюрман. Значит, он останется без глаза?

Регистратор. Да.

Появляется медсестра с букетом.

Сестра. Как самочувствие, госпожа Кюрман?.. Лучше? Вот видите, госпожа Кюрман, вот видите. Сегодня прекрасный день… Я говорю — на улице прекрасная погода. Вот видите, госпожа Кюрман, вот видите — цветы из Америки от вашего сына. (Разворачивает бумагу и вынимает букет.) Какие розы!

Мать. Ганнес…

Сестра. У вас хороший сын!

Мать. Ганнес…

Сестра. Какой большой букет! (Ставит цветы в вазу.)

Регистратор. Что было дальше — вам известно. (Опять берет досье и читает.) Сентябрь тысяча девятьсот тридцать девятого года. Гитлеровская Германия напала на Польшу. Англия и Франция объявили войну. Вы остались в Сан-Франциско. (Читает дальше.) Войска русских вошли в Польшу. Весна тысяча девятьсот сорокового года — гитлеровская Германия напала на Голландию…

Кюрман. И так далее.

Регистратор…и Бельгию.

Кюрман. И так далее и тому подобное!

Регистратор. Почему вы нервничаете? Тогда вы были на редкость спокойны. Даже сыграли свадьбу.

Появляется невеста в белом.

Весна тысяча девятьсот сорокового года. Возвращение в Европу для прохождения срочной службы. И здесь вы встретились со своей первой женой, которая позже кончила жизнь самоубийством.

Кюрман не оборачивается.

Может, вы хотели бы переиграть с этого места?

Невеста. Ганнес…

Регистратор. Гуггенбюль, Катрин, двадцать один год, блондинка, с веснушками… Помните?.. Согласно досье, вы уже в день свадьбы знали, что этот брак — ошибка.

Колокольный звон.

Хотите переиграть с этого места?

Кюрман увидел невесту. Регистратор подходит к вазе, которая стоит у постели матери, вынимает букет роз и отдает его невесте; Кюрман все еще держит в руке пустую рюмку.

Невеста. Почему ты молчишь?

Кюрман. Катрин…

Невеста. Что с тобой?

Кюрман молчит.

Скажи.

Двое служащих похоронного бюро вносят гроб и уходят.

Регистратор. Наверное, Катрин тоже понимает, что этот брак — ошибка, и только ждет ваших слов. Почему же вы их не произносите? Да, она придет в отчаяние. Весьма возможно. Услышать ваше "нет" теперь, когда уже зазвонили колокола, — это, конечно, страшный удар.

Невеста. Ганнес…

Регистратор. Но, может быть, вы спасете ей жизнь.

Колокола перестают звонить.

Господин Кюрман, слово за вами. (Другим персонажам.) Господин Кюрман сказал, что, если бы он мог начать сначала, он точно знал бы, как по-иному строить жизнь. (Кюрману.) Мальчик ждет, он не знает, сохранится ли у него левый глаз. И матушка ваша тоже ждет — ей остались считанные часы. Ждет ректор с профессорским дипломом. На побережье к северу от Сан-Франциско ждет Элен, которая сделала из вас мужчину. И невеста с розами тоже ждет…

Кюрман. Ждет, когда я окажусь перед ней виноватым.

Регистратор. Окажетесь или не окажетесь.

Звуки органа.

Господин Кюрман, вам разрешено переиграть.

Появляется солидная чета: он — в цилиндре, она — в шляпке. Встают рядом с невестой.

Тесть. Ганнес…

Кюрман. Папа…

Теща. Ганнес…

Кюрман. Мама…

Регистратор. Боитесь родителей невесты?

Появляется нарядно одетая девочка, она должна преподнести невесте букетик маргариток.

Девочка.

От всех родных и от друзей

Желаем счастья и детей.

(Делает реверанс.)

Теща. Какая прелестная крошка!

Появляется евангелический пастор.

Регистратор. Боитесь служителя божьего? Он ведь не знает, что благословит ошибку. Почему вы молчите? Помните… В тот день, согласно досье, на вас был взятый на прокат фрак… К сожалению, у фрака оказались слишком длинные рукава. И каждый раз, когда читали молитвы, вам приходилось их подтягивать, чтобы молитвенно сложить руки. У алтаря, согласно досье, вы главным образом думали об этих рукавах и еще о фрачных фалдах, которые тоже оказались слишком длинными.

Кюрман. Хоть бы она улыбнулась, но она только и делала, что конфузилась… Как она страдала! Таким манером это началось. И дальше шло ничуть не лучше. Страдалица! (Отворачивается, не зная, куда поставить пустую рюмку.)

Регистратор. Господин Кюрман!

Кюрман. Да. Я слышу орган, слышу.

Регистратор. Катрин вас любит.

Кюрман. Так она считает.

Регистратор. Она счастлива.

Кюрман. И этого ей было достаточно.

Регистратор. Что вы хотите этим сказать?

Кюрман. Ничего.

Регистратор берет у него пустую рюмку.

Кюрман. Спасибо. (Вытаскивает из кармана трубку.) Ты мне снишься, Катрин, до сих пор. И когда я просыпаюсь, мне кажется, будто ты об этом знаешь.

Регистратор. Что именно вам снится?

Кюрман. Это никого не касается.

Регистратор. Зачем вы женились?

Кюрман. Чтобы забыть Элен.

Элен. What is he telling you?[16]

Кюрман. Я использовал ее, чтобы забыть Элен, а она использовала меня, чтобы иметь ребенка.

Регистратор. Скажите это Катрин.

Кюрман качает головой.

Стало быть, все так и останется?

Кюрман. Да.

Регистратор. Бесповоротно?

Кюрман. Бесповоротно.

Орган смолкает.

Пастор. Аминь.

Кюрман. Если бы я не женился на Катрин, она бы, возможно, не покончила с собой.

Регистратор. О том и речь.

Кюрман. А как же наш сын?

Появляется молодой парнишка в джинсах.

Томас. Па.

Кюрман. Не такой уж я хороший отец, но и не такой уж плохой. Иногда я вовсе забываю о существовании сына — отцовские чувства во мне дремлют. И все же я отец. Стоит ему заплыть слишком далеко на озере, я пугаюсь и кричу, Я сажусь и долблю латынь, чтобы помочь ему. Мне приятно, когда он задумывается, а когда он хочет узнать мои думы, я пытаюсь растолковать их. (Вынимает трубку изо рта.) Он существует, вы же видите, он существует!

Регистратор. Понятно.

Кюрман. И он — ее дитя.

Регистратор. Вы любите сына.

Кюрман. Не в этом дело. Нельзя захотеть, чтобы ребенка, который уже существует, вдруг не стало. (Смеется.) Томас, скажи-ка…

Томас. Да, па.

Кюрман…сын любит отца? Отец любит сына?

Томас. Па, мне нужны деньги.

Кюрман. Вот видишь.

Томас. Помял кузов.

Кюрман. Опять!

Томас. По правилам, дорогу должен был уступить он.

Кюрман. Сколько?

Томас. Девятьсот.

Кюрман (вынимает из кармана бумажник). Извините, но здесь какая-то неувязка. Водительские права даются в восемнадцать лет. Он родился в тысяча девятьсот сороковом. Стало быть, помятый кузов не мог быть раньше шестидесятого. Выходит, Антуанета уже приехала из Парижа.

Регистратор. Верно.

Кюрман. А этого я не хочу.

Регистратор (выводит сына). Сын, пока еще маленький.

Входят врач и медсестра.

Врач. Госпожа Кюрман?

Сестра. Она говорит, что не хочет больше уколов.

Врач щупает пульс.

Сестра. Ей представляется, будто она лежит на отвесной скале и никто не может до нее добраться. Часов в двенадцать я сделала еще один укол.

Врач (закрывает глаза покойной). Сообщите сыну.

Элен. Now it's too late...[17]

Врач. И принесите мне историю болезни. (Отходит от смертного ложа. Мимолетный разговор с Кюрманом как бы в больничном коридоре.) Да, господин Кюрман... Я думаю, у вашей матушки была сравнительно легкая смерть. Только вот сердце у нее оказалось очень здоровое. Для ее возраста прямо поразительно здоровое.

Рукопожатие. Врач уходит.

Элен. Now it's too late...

Кюрман. Yes[18].

Элен. Why didn't you go?[19]

Кюрман. Yes.

Элен. Because of me?..[20]

Кюрман. Yes.

Элен берет его за руку.

Регистратор. Хотите остаться с Элен?

Кюрман. Yes.

Регистратор. Как угодно.

Зажигается лампа дневного света.

Вы, стало быть, решили, господин Кюрман, начать жизнь снова со дня смерти вашей матушки. Тысяча девятьсот тридцать девятый год, университет в Калифорнии; здесь вы встретились со студенткой по имени Элен. (Читает досье.) "Отдыхали в форте Росс. Мы на лодке. Элен не пустили в мотель. Ночь провели в лодке...".

Кюрман. Yes.

Регистратор. Вы, стало быть, остаетесь в Америке.

Появляются муж, жена, дети. Они в забрызганных пальто, тащат чемоданы.

Кто вы такие?

Эмигрант. Молодой человек, сделал для нас так много. Молодой человек спас нам жизнь.

Регистратор. Правда?

Эмигрант. Это было в тысяча девятьсот сороковом году. Весной.

Регистратор. Вы помните этих людей?

Кюрман. Да. (Не глядя.) Это случилось на границе. В полночь. Их обнаружили в товарном вагоне. Малышка кашляла. И вот они очутились на шпалах. Документов нет. Евреи. Один из полицейских хотел тотчас же увести их. Тогда я что-то спросил у него, не помню что. Вот и все. Пока я разговаривал с полицейским, они успели скрыться.

Регистратор перелистывает досье.

Это произошло вскоре после моего возвращения из США. По чистой случайности я оказался на вокзале как раз в ту самую минуту. По чистой случайности.

Женщина всхлипывает.

Нет, вас не бросят в концлагерь. Не бойтесь. Я не останусь в Сан-Франциско.

Элен. What's the matter?

Эмигрант. Молодой человек так много для нас сделал.

Кюрман. Мне это ничего не стоило, но, возможно, спасло им жизнь.

Регистратор. Все — правда. (Читает досье.) "Четырнадцатого апреля тысяча девятьсот сорокового года был в гостях у невесты, опоздал на последний поезд, ночь провел на вокзале...".

Эмигрант. Это было весной.

Регистратор. Минутку. (Читает досье.) "...Муж, жена, двое детей и еще старик". (Смотрит на эмигрантов.) Старика нет.

Кюрман. Полицейские стреляли. (Пауза.) I have to go...[21]

Элен. Why?[22]

Кюрман. I have to go...

Элен. Okay...[23]

Кюрман. It's not okay, not at all, but I have to leave you, I really have to…[24]

Элен. You are a coward.[25]

Кюрман. Helen….

Элен. I always knew you were.[26]

Кюрман растерянно смотрит на нее.

Регистратор. Она думает, вы струсили из-за того, что она мулатка. Объяснитесь с ней. Скажите, что она ошибается.

Пауза.

Элен. Okay.

Кюрман. Helen…

Элен. Good luck.[27] (Уходит.)

Кюрман. Объясните вы ей!

Эмигранты берутся за свои чемоданы.

Эмигрант. Молодой человек сделал для нас так много.

Уходят.

Кюрман. Как мне тут переигрывать?.. Невозможно.

Регистратор. Значит, это останется?

Кюрман. Да.

Регистратор. Не хотите вернуться назад еще дальше?

Кюрман. Нет.

Чей-то крик. Кричит маленький Шмиг, в которого попал снежок. Он убегает, закрывая рукой левый глаз.

Регистратор. Стало быть, и это остается.

Кровать с телом матери увозят.

Кюрман. Да.

Лодка исчезает.

Отец. А как же я?

Кюрман. Тут я ничего не могу поделать, отец. Не моя вина, что ты был пусть добрый, пусть милый, но все же пьянчужка и что как-то раз ночью свалился с лестницы. На следующее утро, а может, и не на следующее тебя нашли в пекарне. Тебя-то они нашли, но хлеба там не было.

Отец. Что он сказал?

Кюрман. Спасибо за велосипед.

Отец, пошатываясь, уходит.

Отец!

Велосипед остается.

Слышатся слова команды: "Отделение, стой!"

Регистратор. Капрал…

Появляется капрал, с него течет в три ручья.

Что с вами?

Капрал. Штрафной заплыв.

Регистратор. Только в этом году господин обер-лейтенант Кюрман перестал быть военнообязанным, и ему бы не хотелось вновь отбывать два года службы.

Кюрман. Три года.

Регистратор. Можете нас покинуть, капрал.

Капрал. Так точно. Отделение, стой!

Регистратор. Хорошо, хорошо, капрал…

Капрал. Отделение, прямо марш! Правое плечо вперед — марш! Левое плечо вперед — марш! Ать-два, ать-два…

Регистратор. Капрал…

Капрал. Левой ать-два!

Регистратор. Довольно.

Кюрман. Легко сказать.

Капрал. Отделение, запевай!

Слышна солдатская песня, капрал идет вслед за незримым строем; пение постепенно стихает. Тишина.

Регистратор. Хотите, чтобы зачитали диплом?

Ректор опять разворачивает профессорский диплом.

Кюрман. Катрин еще здесь?

Регистратор. Да.

Кюрман. Уходи и ты.

Регистратор. Вы на самом деле этого хотите? (Читает досье.) "Сегодня утром во время ссоры с Катрин, которая готова мне все простить, я сказал: "Раз так, лезь в петлю". А во второй половине дня, когда я вернулся из института, Катрин и впрямь была в петле. Сейчас она лежит в гробу. Мою вину ничем не искупишь. Одиннадцатого апреля тысяча девятьсот сорок девятого года".

Кюрман молчит.

Ей двадцать девять лет.

Кюрман (смотрит на Катрин). Уходи и ты.

Невеста. Ганнес...

Кюрман. Я свыкся со своей виной.

Невеста отступает. Тесть и теща, пастор и еще несколько присутствующих образуют траурную процессию; двое служащих похоронного бюро проносят гроб.

Регистратор. Хотите посмотреть на ее лицо?

Кюрман. Я его помню.

Процессия исчезает.

Ректор. Прекрасно понимаю уважаемого коллегу. Открытием рефлекса Кюрмана, открытием, без которого немыслима современная наука о поведении, мы обязаны отчасти случаю. Даже если нам удастся повторить опыты, проделанные на протяжении многих лет, то и тогда никто не может гарантировать, что счастливый случай вновь повторится. Для ученого рассчитывать на это было бы, с моей точки зрения, прямо-таки безответственно.

Регистратор. Когда произошел счастливый случай?

Кюрман. В феврале пятьдесят девятого.

Регистратор перелистывает досье.

Ректор. Говоря о случае, я, господин коллега, ни в коей мере не хочу умалять ваши научные заслуги. Мы с вами знаем, что открытие это — не дело случая, а дело человеческого интеллекта, который умеет подчинить себе случай.

Регистратор. Чайка за номером четыреста одиннадцать. Опыт из серии "С".

Кюрман. Да.

Регистратор. Этим вы не хотели бы пожертвовать?

Антуанета. Еще бы! Чайка обеспечила ему карьеру.

Кюрман. Прошу даму… в последний раз… Пусть поймет, что ей здесь нечего делать.

Антуанета. А моя сумочка?

Кюрман. Я просил вернуть осень пятьдесят девятого года.

Регистратор. Фрейлейн Штейн…

Кюрман. Где она была осенью пятьдесят девятого года?

Антуанета. В Париже.

Регистратор. Господин Кюрман хотел бы вернуть осень пятьдесят девятого года.

Антуанета уходит.

Кюрман. О ее сумочке пускай заботятся другие.

Ректор (сворачивает диплом). Сообщите, когда придет пора зачитать профессорский диплом.

Три господина в профессорских мантиях уходят.

Регистратор. Итак…

Антуанета еще раз возвращается.

Антуанета. Скажите моему мужу, чтобы он пошел к врачу. И притом сегодня же. Чем раньше, тем лучше. А то будет поздно.

Регистратор. Вы плохо себя чувствуете, господин Кюрман?

Кюрман. Чепуха.

Антуанета. Когда диагноз поставлен и когда выясняется, что уже поздно, обязательно говорят: всего несколько лет назад это было излечимо, сущий пустяк!

Кюрман. Ладно, я пойду к врачу.

Антуанета. Прошу его.

Регистратор кивает, и Антуанета уходит.

Регистратор. Ну а еще, господин Кюрман? Что вы еще хотели бы переиграть осенью пятьдесят девятого года?

Кюрман. Дайте подумать.

Рабочий сцены увозит велосипед.

Регистратор. Помните осень тысяча девятьсот пятьдесят девятого года? (Перелистывает досье.) "Напряженные отношения между Кубой и США, Нигерия становится независимой, Сомали становится независимым. Прилунилась советская автоматическая станция "Луна-два" весом в триста девяносто килограммов".

Кюрман (протирает очки). Повторим еще раз мою беседу с Кролевским. Профессор Владимир Кролевский, который был потом

отстранен от преподавательской работы. Беседа велась, по-моему, в декабре. У меня дома.

Регистратор. Пожалуйста.

Освещена вся сцена. Комната восстанавливается в прежнем виде.

Неподалеку опять барабанят на рояле. Слышно несколько тактов, пауза. Снова те же такты. Воспользовавшись паузой, возникшей из-за перемены декораций, регистратор берет сигарету. Под конец сверху спускаются книжные полки и регистратор тушит сигарету.

Тишина.

Регистратор. А вот и ваша квартира, господин Кюрман.

Лампа дневного света гаснет.

Освещена вся сцена.

Кюрман. А это что такое?

Регистратор. Ваши старинные часы.

Кюрман. Уберите их!

Регистратор. Как угодно.

Рабочий сцены уносит часы.

Хотите еще что-нибудь переменить? Вам стоит сказать слово. Давайте переставим письменный стол в другой конец комнаты.

Кюрман. Разве в этом дело?

Регистратор. Можете менять все что хотите.

Неподалеку опять барабанят на рояле.

Кюрман. А это обязательно?

Регистратор. Балетная школа. Осень тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Вспомните: рядом балетная школа, и окна у них всегда были настежь.

Те же несколько тактов, слышен голос преподавателя. Потом наступает тишина.

Кюрман. И так изо дня в день.

Регистратор. За исключением воскресных и праздничных дней.

Кюрман. Нет сил терпеть.

Регистратор. Вы вытерпели.

Кюрман. Но ведь было сказано — я могу менять.

Регистратор. Другие тоже могут. Вы не один на свете, господин Кюрман. Кто виноват, что соседний дом, Клеттенхоф, восемнадцать, сняли под балетную школу. С этим надо считаться. А если вы не в силах терпеть, перемените квартиру.

Кюрман. А что будет там?

Регистратор. Посмотрим.

Кюрман. Вдруг там окажется механическая пила?

Регистратор. Кто знает.

Кюрман. Или железная дорога. Или колокольня. Или взлетная дорожка аэропорта.

Слышен адский вой.

Регистратор. Механическая пила.

Кюрман. Хватит!

Регистратор. Как угодно.

Снова слышится шум.

Кюрман. А это что?

Регистратор. Здесь очень красивые окрестности, но неподалеку стройка. Именно из-за того, что окрестности такие красивые. Это грохочут строймеханизмы. Правда, страдать придется всего полтора года.

Кюрман. А что здесь будет потом?

Слышится шум.

Регистратор. А это детский сад.

Кюрман качает головой.

Вы можете выбирать.

Опять слышно, как барабанят на рояле, те же такты, пауза. Голос преподавателя. Потом все повторяется сначала, и наступает тишина.

Вы, стало быть, остаетесь в той же квартире?

Кюрман (оглядывается по сторонам). Разве она так выглядит?

Регистратор. Удивляетесь собственному вкусу?

Входит Хубалек.

Хубалек. Господин профессор Кролевский.

Кюрман. Просите.

Хубалек уходит. Появляется Кролевский — лысый человек с живыми глазами, он в очках без оправы, бледен; кажется, что на его лице блуждает улыбка, но это не так. На Кролевском старомодное пальто, которое он не снимает, в руках тощий портфель и шляпа; он крайне застенчив, маленького роста, и в то же время в нем чувствуется нечто значительное.

По-моему, вы сидели здесь.

Кролевский садится.

Наверно, все это покажется вам странным — однажды мы уже вели с вами эту беседу, дорогой коллега. И вы знаете, по каким причинам я не вступал в партию. Ни в одну. Знаете мои принципиальные возражения на этот счет. Не стоит повторяться.

Кролевский. Да.

Кюрман. Хотите выпить?

Кролевский. Непьющий.

Кюрман (наливает себе рюмку виски). Коротко говоря, дорогой коллега, я еще раз все обдумал…

Пауза. Кюрман стоя выпивает рюмку.

Кролевский. Что вы обдумали?

Кюрман. Наш разговор в этой комнате, наш разговор с глазу на глаз; вы сидели там, я — тут. Вам тоже не стоит повторяться, Кролевский. Я и так знаю: в ваших глазах я то, что теперь принято называть нонконформистом. Интеллигент, который раскусил правящие классы, и довольно-таки основательно раскусил; во всяком случае, смотрит на них с ужасом или по крайней мере с отвращением. Но больше ничего не делает. Если не считать, разумеется, обращений и писем — иногда "за", иногда "против", — которые я время от времени подписываю. Таким образом, я все же протестую, успокаивая собственную совесть. Поскольку совесть пока еще разрешена. В остальном же я, как и каждый нонконформист, занят своей карьерой.

Кролевский. Разве я так говорил?

Кюрман. В несколько иных выражениях.

Кролевский. В каких именно?

Кюрман. Работа в партии, говорили вы, единственное средство переделать мир…

Входит Хубалек.

Причем, разумеется, цель оправдывает средства, известное дело. Именно по этой причине я и не вступаю ни в какую партию. (Заметив Хубалек.) Что там опять? (Берет письмо.) Спасибо, госпожа Хубалек, спасибо.

Хубалек уходит.

Работа в партии, говорили вы. И как раз в эту секунду я получил письмо — запрос от Ученого совета. Согласен ли я будущей весной и так далее, в ознаменование моих научных заслуг и так далее, конечно, при условии, что правительственные инстанции одобрят и так далее и тому подобное…

Кролевский. Поздравляю, господин коллега.

Кюрман. Спасибо. (Кладет нераспечатанное письмо на стол.) Когда я вспоминал эту сцену, мне казалось, что вы улыбались, а вот теперь я смотрю на вас и вижу, что вы, собственно, никогда не улыбаетесь. Не улыбаетесь, как гроссмейстер на турнире. Вам кажется, что вы знаете мой следующий ход: вы уже видите меня профессором, доктором Г. Кюрманом, директором института психологии…

Неподалеку опять барабанят на рояле, но очень недолго.

Скажите, Кролевский, вы, как кибернетик, верите, что биография каждого отдельного индивидуума предопределена? Что она — выражение некоей неизбежности? Или же один и тот же человек по воле случая может иметь какую угодно биографию? И биография, которой каждый из нас рано или поздно обзаводится, — все эти памятные даты, как они осточертели! — даже не самый правдоподобный вариант, а лишь один из возможных вариантов, один из многих столь же вероятных вариантов для человека с определенными задатками в определенных социальных и исторических условиях. О чем же, если стать на эту точку зрения, вообще можно

судить по биографии? Понимаете? Хорошая биография, плохая биография — разве в этом дело? Я возражаю вот против чего — нельзя искать сокровенный смысл там, где его нет, искать смысл во всем, что произошло. Только потому, что оно произошло и тем самым стало историей, чем-то неоспоримым.

Кролевский. Понимаю.

Кюрман. Понимаете?

Кролевский. Ab posse ad esse valet, ab esse ad posse non volet[28]. (Закуривает.) Но вы, кажется, хотели срочно сообщить мне что-то.

Неподалеку опять барабанят на рояле. Однако на сей раз упражнение, по-видимому, удалось, и игра па рояле продолжается.

На сцене сбоку танцуют пять балетных учениц под наблюдением преподавателя. Девушки танцуют не для публики, это всего-навсего репетиция.

Преподаватель. Стой!.. А носок? (Показывает упражнение без музыки.) Понятно? (Хлопает в ладоши.) Ну, крошки, начали снова!

Неподалеку опять барабанят на рояле, ученицы повторяют упражнение и, танцуя, исчезают. На сцене сбоку остается только одна молодая балерина. Тишина.

Кюрман. Что здесь делает эта девушка?

Регистратор. Она вам нравится?

Кюрман. Я разговариваю с Кролевским.

Регистратор. Вы разговариваете с Кролевским и вдруг теряете нить, говорите и смотрите в окно на молодых балерин. Ваше внимание рассеивается.

Кюрман. С этой девушкой я незнаком.

Регистратор. Да, но можете познакомиться.

Неподалеку опять барабанят на рояле, те же три такта, ученица делает упражнения. Потом снова наступает тишина.

Это было, когда вы с Кролевским говорили о биографиях.

Кюрман. Ну и что?

Регистратор. Вам, господин Кюрман, разрешено переиграть заново, все изменить. Может, поведете эту девушку в ресторан?..

Появляется официант с меню.

Официант. Что угодно господам?

Регистратор. А что у вас есть?

Официант. Caviar russe, saumon fume, fois gras de Strasbourg, Escargot'a la Bourgoune[29].

Регистратор. Вы, как всегда, можете выбирать.

Официант. Есть и итальянская кухня. Canneloni. Tortellini alla panna Tortellini con funghi. Lasagne verde[30].

Регистратор. Гм.

Официант. Specialita della casa[31].

Регистратор. Шикарный ресторан, господин Кюрман. И вас здесь не знают. (Официанту.) Какая у вас сегодня рыба?

Официант. Сейчас покажу. (Уходит.)

Регистратор. Поужинайте с этой девушкой, и тогда, встретившись четыре месяца спустя с фрейлейн Штейн, приехавшей из Парижа, вы, господин Кюрман, будете, по-моему, вести себя совсем иначе, гораздо естественней и разумней, с большим чувством юмора. В итоге фрейлейн Штейн вскоре после двух часов ночи возьмет свою сумочку и отправится восвояси… В вашей биографии не будет Антуанеты.

Появляется официант с грудой рыбы на подносе.

Ага!

Официант. Щука.

Регистратор. Посмотрите!

Официант. Только сегодня поймана.

Регистратор. Дивно!

Официант. Морской язык, очень хороший линь.

Регистратор. Две порции?

Официант. Конечно.

Регистратор. А форели?

Официант. Мы их берем только живыми.

Регистратор. А это что такое?

Официант. Spado.

Регистратор. Spado?

Официант. Меч-рыба.

Регистратор. Вы ели когда-нибудь меч-рыбу?

Официант. Исключительно свежий омар.

Кюрман разглядывает молодую балерину.

Регистратор. Видели, какой омар?

Неподалеку опять барабанят на рояле. Ученицы, танцуя появляются на сцене сбоку, их сопровождает преподаватель; отделившаяся девушка становится на прежнее место. Потом вся группа, танцуя, удаляется.

Регистратор. Как угодно.

Официант все еще держит омара.

Может быть, в другой раз.

Официант. Пожалуйста. (Уходит.)

Регистратор. Вот видите: вам разрешено выбирать.

Кюрман. Дальше!

Регистратор. Не повышайте голос.

Кюрман. За кого вы, собственно, меня принимаете? Как будто я только и думаю, что о бабах. Если уж мне дано право выбора, то я вообще выбираю жизнь без женщин.

Регистратор. Как угодно.

Кролевский (все еще сидит в той же позе). Ab posse ad esse valet, ab esse ad posse non volet. (Закуривает.) Но вы, кажется, хотели мне что-то срочно сообщить?

Кюрман (садится на край стола). Давайте начистоту, Кролевский… Можете не отвечать. Вы — коммунист, что до сих пор не так уж широко известно. Думаю, вы принадлежите к мозговому тресту партии. А ваша наука математика — весьма помогает конспирации. Частые поездки во все концы света — будь то Прага, Париж или Мехико — отлично маскируются участием в специальных конгрессах. К тому же вы непьющий и в поздний час вас не тянет излить душу. (Пьет.) Предположим, в один прекрасный день все это выйдет наружу. Под каким-нибудь предлогом факультет отстранит вас от преподавания. Нас — точнее, некоторых из нас — это, разумеется, искренне возмутит… В университетах подавляют свободу мысли и так далее. Возникнет "дело Кролевского". Я сам лично, хотя я нонконформист, сочиню письмо: "Потрясенные недавними событиями у нас в университете…" Письмо будет тревожное и вместе с тем очень осторожное, так что каждый сочтет за честь подписать его. Нетрудно догадаться, что оно не окажет никакого действия.

Кролевский. В этих вещах у вас есть опыт.

Кюрман. А как же иначе.

Кролевский. Ну а что вы хотели сообщить мне, уважаемый коллега?

Кюрман. Если бы можно было начать сначала, все бы знали, как построить жизнь по-иному. Подписи "за", подписи "против", протесты, собрания и все последствия этого. Бессилие интеллигенции и оппозиции — зажим во имя законности в государстве, а потом и террор — прямой результат нашего бездействия. (Регистратору.) Какого числа произошла моя беседа с Владимиром Кролевским?

Регистратор листает досье.

Вскоре после этой беседы профессора Кролевского арестовали. Обыск, увольнение из университета.

Регистратор. Третьего декабря тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

Кюрман. Внесите в досье.

Регистратор. Что именно?

Кюрман. Третьего декабря тысяча девятьсот пятьдесят девятого года вступил в Коммунистическую партию.

Регистратор записывает.

Кролевский. Признаюсь, дорогой коллега, вы меня не на шутку удивили. Ваше заявление будет рассмотрено; по нашим сведениям, вы не состояли ни в одной партии. Надеюсь, дорогой коллега, вы понимаете, что это не может не отразиться на вашей научной карьере?

Кюрман. Прекрасно понимаю, уважаемый коллега. Не может не отразиться. Поэтому я и решился. (Регистратору, который подходит к нему с досье.) Что я должен сделать?

Регистратор. Расписаться.

Кюрман (расписывается). Товарищ Кролевский…

Освещается вся сцена.

Кюрман. Что случилось? Регистратор. Вас ждет врач.

Рабочий сцены вносит белое кресло и ставит его на авансцене справа, второй рабочий подкатывает тележку с инструментами, потом они уходят.

Кролевский (поднимается). Что касается наших с вами отношений, дорогой коллега, то внешне они остаются такими же, как были. Никто не помешает нам перекинуться несколькими словами в университетском дворе. Называть мы будем друг друга, как и прежде, "коллега". (Подает руку.) Вы же понимаете, коллега, что впредь за вами будет установлена слежка. (Надевает шляпу.) И если у вас соберется народ для чествования, меня там не будет.

Кюрман. Какое чествование?

Кролевский. Вам ведь скоро присвоят профессорское звание.

Кюрман. Теперь до этого не дойдет.

Кролевский уходит.

Появляется врач в белом халате; рассматривает на свету кардиограмму.

Врач. Боли есть?

Кюрман. Где?

Врач. Это я вас должен спросить. Кардиограмма хорошая. (Дает Кюрману кардиограмму.) Очень хорошая. (Подходит к тележке с инструментами.) Что мне не нравится, так это моча.

Кюрман. В каком смысле?

Врач. Сейчас узнаем.

Регистратор. Снимите пиджак.

Врач. Надо взять кровь.

Кюрман снимает пиджак.

Регистратор. Можете сесть.

Кюрман садится и засучивает рукава.

Врач. У вас много забот? (Берет кровь.) Что вы скажете о деле Кролевского? (Дает Кюрману вату.)

Регистратор. Положите вату на ранку.

Кюрман (кладет вату на ранку). В детстве я болел свинкой, потом корью, в дальнейшем…

Врач (выпускает кровь в пробирку). Сестра Агнеса! (Уходит.)

Кюрман. Какое у нас сегодня число?

Регистратор. Двенадцатое апреля тысяча девятьсот шестидесятого года. Фрейлейн Штейн еще в Париже, сегодня она как раз укладывает чемоданы, собирается уезжать. Этого вы изменить не можете.

Кюрман. Гм…

Регистратор. Сюда она придет вместе с другими гостями, когда вы станете профессором, хотя вы со своей стороны сделали все, чтобы не стать профессором.

Дается свет на комнату. Появляются два господина в пальто и шляпах. Их сопровождает Хубалек.

По-моему, ваше дело выгорело!

Непрошеные гости в сером оглядываются вокруг.

Хубалек. Что вам угодно? Господина Кюрмана нет дома. С кем имею честь? Я — экономка. Позвольте узнать, кто вы такие?

Один из непрошеных гостей показывает Хубалек свое удостоверение.

Регистратор (Кюрману). Сидите.

Кюрман. Обыск?

Регистратор. Вы же у врача.

Кюрман снова садится.

Держите вату на ранке.

Один из непрошеных гостей выдвигает ящики.

Вы подозреваетесь в том, что хотите переделать мир. И никто не подозревает, что вы всего-навсего хотите переделать собственную биографию.

Второй непрошеный гость занялся книгами.

Гость. Госпожа…

Хубалек. Хубалек.

Гость. Скажите, госпожа Хубалек…

Хубалек. Я ничего не знаю.

Гость. Откуда вы родом?

Хубалек. Из Богемии.

Гость. Из Богемии?

Хубалек. Чего вы хотите от господина Кюрмана?

Гость. Есть у вас родственники?

Хубалек. В Богемии.

Гость. В Богемии?

Хубалек. А как же иначе?

Гость. Отвечайте на вопросы.

Хубалек. Он не любит, чтобы трогали его книги.

Гость. Часто ли вы посещаете своих богемских родственников?

Хубалек. Никогда.

Гость. Довольно-таки редко.

Хубалек. С меня хватает.

На авансцене появляется медсестра.

Сестра. Доктор сейчас придет. (Берет что-то и уходит.)

Гость. Скажите, госпожа…

Хубалек. Хубалек.

Гость. Другие комнаты в квартире есть?

Непрошеные гости в сером и Хубалек уходят.

Регистратор. Ничего не найдут. Впрочем, не беспокойтесь. Подозрение всегда остается подозрением. И одного подозрения за глаза хватит.

Комната погружается в темноту; на авансцене снова появляется врач.

Врач. Ничего серьезного у вас нет. И все же надо остерегаться — с печенью шутки плохи. Нельзя есть ни Fois gras, ни Escargot a la Bourgoune, вообще ничего пряного. Перец, горчица и так далее не рекомендуются. Морская рыба противопоказана…

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. Записываю. (Записывает.)

Врач. Избегать фруктов с косточками — абрикосов, вишен, слив, персиков. Чеснок противопоказан. Все, что пучит, запрещено. Творога — сколько хотите, творога — как можно больше.

Регистратор. А овощи?

Врач. Да, но без соли. Все овощи, кроме капусты. И избегайте белых бобов, вообще всяких бобов. И лука…

Регистратор. Запрещено все, что пучит.

Врач. И все холодное, например пиво. Виски, водка и так далее, джин, вишневка и так далее, граппа и так далее, коньяк, кальвадос и так далее. Все это строго запрещено.

Регистратор. А вино?

Врач. Вы, кажется, сказали, что отец у вас был алкоголиком?

Кюрман. Так мне тогда казалось.

Врач. Белое вино противопоказано.

Регистратор. А красное?

Врач. Всякое вино противопоказано.

Регистратор. Что же тогда пить?

Врач. Молоко.

Регистратор. А минеральную воду?

Врач. Только без углекислого газа. И еще чай. Но, разумеется, не натуральный. Ромашковый, липовый, мятный, шиповниковый и так далее. Кофе противопоказан. Вы любите кефир?

Регистратор. Врач спрашивает, любите ли вы кефир.

Врач. Кефира — сколько хотите. Творога — как можно больше. Овощей сколько хотите, но без соли. Морская рыба противопоказана…

Регистратор. Это вы уже говорили.

Врач. Можете есть truite bleu[32].

Регистратор. Не так плохо.

Врач. Но без масла.

Регистратор. А как насчет омаров?

Врач. Боже упаси!

Регистратор. Значит, нам здорово повезло. На днях господин Кюрман чуть было не отведал омара.

Врач. Боже упаси!

Регистратор. А мясо?

Врач. Только вареное. Вареное можно, но без капли жира. Тушеное не рекомендуется. Вареное или обжаренное на решетке. Без соли. И, как сказано, не острое. Колбаса запрещена и так далее.

Регистратор. А как быть с хлебом?

Врач. Только хрустящие хлебцы.

Регистратор. Запрещено все, что пучит.

Врач. Творога — как можно больше.

Входит медсестра.

Иду.

Медсестра увозит тележку с инструментами.

Регистратор. Еще что?

Врач. Потеть. Как можно больше потеть.

Регистратор. Каким образом?

Врач. Спорт, туризм, финская баня. (Кладет руку на плечо Кюрмана.) Ничего серьезного у вас нет, легкое вздутие печени. Другого я не обнаружил. Самое главное, милейший, — не волноваться, не волноваться ни при каких обстоятельствах… (Уходит.)

Вновь освещена вся сцена. В глубине — большое общество: мужчины в смокингах, дамы в вечерних туалетах; все с бокалами шампанского.

Кюрман. Рак исключается.

Регистратор. Да.

Кюрман. Он вообще не нашел ничего серьезного.

Регистратор. Наденьте пиджак.

Кюрман. Творога — как можно больше…

Регистратор. О чем вы думаете?

Кюрман (поднимается и берет пиджак). Кто эти люди?

Регистратор. Ваши друзья.

Кюрман. Чего они хотят?

Регистратор. Хотят чествовать вас.

Кюрман. Неужели?

Регистратор. Да, вы стали профессором.

Свет дается на комнату; полно гостей, они стоят группами и болтают. Доносится только неясный гул.

Кюрман. Профессором?

Регистратор. Честно говоря, меня это тоже удивляет.

Кюрман. В тысяча девятьсот шестидесятом году у нас в стране коммунист не может стать профессором. Невероятно!

Регистратор. Невероятно.

Кюрман качает головой.

Хенрик. Ганнес!

Регистратор. Вас зовут.

Хенрик. Куда он делся?

Кюрман качает головой.

Регистратор. Гостям нора уходить, уже поздно. (Помогает Кюрману надеть пиджак.) Не стоит объяснять, господин профессор, что при любых системах случаются и маловероятные вещи. Исключения лишь подтверждают правило.

Гости замечают Кюрмана.

Хенрик. Вот ты где!

Шнейдер. Уже два часа.

Хенрик. Мы тебя покидаем, господин профессор.

Кюрман затерялся в толпе гостей. Гул голосов. Гости постепенно, по нескольку человек, расходятся. В комнате остается одна лишь молодая дама в вечернем туалете; все — как в начале первой сцены.

Молодая дама сидит в кресле и ждет. Она в роговых очках. Голоса за сценой. Вскоре после этого появляется Кюрман; на этот раз он не насвистывает.

Антуанета. Скоро и я пойду.

Молчание.

Кюрман. Вам нездоровится?

Антуанета. Нет, что вы! (Берет сигарету.) Выкурю еще одну сигарету и пойду. (Тщетно ждет, что Кюрман подаст ей огня; закуривает сама.) Надеюсь, я не помешаю. Мне понравилось. У вас, по-моему, очень милые знакомые, очень интересные… (Пауза.) А выпить у вас еще найдется?

Кюрман не двигается с места.

Почему вы на меня так смотрите?

Молчание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Та же комната на следующее утро. Хубалек убирает. Через некоторое время появляется Кюрман, в халате, в руках у него нераспечатанные письма.

Кюрман. Госпожа Хубалек… Добрый день… Будьте так любезны, госпожа Хубалек, приготовьте завтрак. (Стоя распечатывает письма.) Я говорю, госпожа Хубалек, будьте так любезны, приготовьте завтрак.

Хубалек уходит.

Знаю точно, о чем вы сейчас думаете. Ошибаетесь. Вы думаете: сколько бы раз он ни начинал сначала, хоть сто раз, результаты будут те же. (Читает одно из писем, бросает его в корзину.) Поздравления! (Бросает все письма в корзину.) Ошибаетесь. Мы не поедем за город. Мы останемся чужими. (Садится к письменному столу.) Это будет наш первый и последний совместный завтрак.

Регистратор. Как угодно.

Кюрман. Мужем и женой мы не станем.

Регистратор. У вас по-прежнему есть право выбора.

В дверях появляется Антуанета, в вечернем платье.

Кюрман (не замечает ее). Какой сегодня день?

Регистратор. Четверг.

Кюрман смотрит на свои часы.

В одиннадцать у вас совещание, помните, совещание, на котором вы тогда отсутствовали…

Неподалеку опять барабанят на рояле; те же три такта, потом пауза. Кюрман увидел Антуанету, встает.

Антуанета. Я взяла твою зубную щетку.

Кюрман. Забыл спросить: что ты пьешь — кофе или чай? Может, лучше кофе? (Идет к двери.) И яйцо всмятку?

Антуанета. Мне не надо.

Пауза. Оба стоят.

Который, собственно, час?

Кюрман. В одиннадцать у меня совещание.

Антуанета (роется в сумочке). Никак не вспомню, куда я поставила машину. Ключи здесь. (Размышляет.) Кажется, в какую-то аллею с памятниками.

Кюрман. Здесь нет таких аллей.

Антуанета. Странно.

Кюрман. Может, сядем?

Входит Хубалек, накрывает на стол. Кюрман и Антуанета по-прежнемустоят и молчат, ждут, когда выйдет Хубалек. Та уходит.

Чай сейчас будет.

Антуанета. Теперь знаю, где моя машина. (Смеется.) Просто чудо, что я каждый раз ее нахожу. (Вскользь.) Вы знакомы с молодым Штахелем?

Кюрман. Со Штахелем?

Антуанета. Он меня привез. Но не захотел подняться. А в той аллее я была прежде…

Часы бьют десять раз.

Уже десять часов? (Берет с кресла свою накидку.)

Кюрман. Уходишь?

Антуанета. Не сердитесь, Ганнес.

Кюрман. Даже не позавтракаешь?

Антуанета. У меня много работы. Десять часов! Надо еще переодеться. О боже! На десять у меня назначено деловое свидание.

Кюрман наблюдает за тем, как она одевается.

Не беспокойтесь!

Кюрман. Почему ты смеешься?

Антуанета. Не так уж часто я сплю с любовниками, и каждый раз потом радуюсь, что осталась одна. Типично мужская психология. Куда делись мои часы?

Кюрман. По-моему, они в ванной.

Антуанета идет в ванную.

Неужели это было так?

Регистратор. В точности.

Кюрман. И ни слова о новой встрече?

Регистратор. Ни слова.

Кюрман. Не понимаю…

Регистратор. Читаю по досье.

Зажигается лампа дневного света.

(Читает.) "Антуанета выходит из ванной, уже вполне одетая и причесанная. Тут же начинает искать ключ от машины. Часы бьют десять. Она берет накидку". О новой встрече — ни слова… Память вас подвела, господин Кюрман! Антуанета не садилась к вам на колени, ни на левое, ни на правое, не обнимала вас, не целовала, вынуждая к новым нежностям. Ничего похожего. У нее было назначено деловое свидание. Она не казалась ни разочарованной, ни смущенной. Напротив, ей было, видимо, приятно с вами, но прошлого не воротишь. Теперь она даже не называет вас на "ты", как называла ночью.

Пауза.

Кюрман. Ничего не понимаю…

Регистратор. Но так было, господин Кюрман.

Кюрман. Почему же я не пошел на совещание?

Лампа дневного света гаснет.

Что она там копается?

Регистратор. Ищет часы.

Пауза. Антуанета выходит из ванной, надевая на руку часы.

Антуанета. Сегодня я еще раз хочу посмотреть помещение для выставочного зала. Понимаете? К сожалению, в доме нет лифта. Это единственная загвоздка. А комнаты изумительные. Как раз то, что мне

надо. Большие, спокойные комнаты. Правда, очень дорогие. И придется еще провести верхний свет. Из-за этого я и встречаюсь сегодня с тем молодым архитектором.

Регистратор. Со Штахелем.

Антуанета. Узнаю у него, сколько это будет стоить. Такой случай больше не представится. Пусть только выйдет с выставочным залом, тогда я сниму квартиру этажом ниже и открою маленькое издательство. Конечно, позже. Ну а если ничего не получится, вернусь опять в Париж… Сегодня все решится…

Пауза.

Регистратор. Вам осталось проводить ее до лифта.

Антуанета. Да.

Кюрман. Надеюсь, у вас все будет в порядке. Я имею в виду верхний свет.

Антуанета. Хорошо бы.

Кюрман. Надеюсь.

Антуанета. Пожелайте мне ни пуха ни пера.

Кюрман провожает ее. Хубалек приносит чай и уходит. Кюрман возвращается.

Кюрман. Необыкновенная женщина.

Регистратор. Вот видите.

Кюрман. Удивительная женщина.

Регистратор. Вы ее недооценили, не поверили, что женщина, которая провела с вами ночь, тоже мечтает остаться одна.

Кюрман. Поразительная женщина.

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. А теперь обратимся к одиннадцатичасовому совещанию. (Читает досье.) "Первый пункт повестки дня, Traktandum один: выбор нового ректора университета...".

Кюрман подходит к окну.

Не только для вас, хотя и для вас тоже, господин Кюрман, важно, чтобы Хорнакер не стал ректором. Всем известно, что Хорнакер — ярый антикоммунист, как ученый ничего не стоит, а как человек — железобетон. Один из наших идеологических стражей. Если Хорнакера выберут ректором, он приложит все силы, чтобы избавиться от вас, господин Кюрман. И это тоже решается сегодня... Слышите?.. В первой редакции вашей биографии вы не явились на сегодняшнее совещание. Вам казалось важнее повезти даму за город, полакомиться рыбой и деревенским вином. Хорнакера выбрали, хотя и незначительным большинством голосов. Потом вы раскаивались — не надо было пропускать совещание. Помните? И притом в первой редакции Хорнакер не мог вам повредить, ведь тогда вы не были коммунистом.

Кюрман. Почему она не отъезжает? (Пауза.) Так и не отъехала.

Регистратор. Наверное, из-за аккумулятора. Понимаете, подфарники у нее все время горели, и при этом она удивлена, почему не включается зажигание. А может, она заметила, что вы стоите у окна.

Кюрман отходит от окна.

О чем вы думаете?

Кюрман (наливает себе чашку чаю). Я ее недооценил.

Регистратор. Без сомнения.

Кюрман (стоя пьет чай). Что она теперь будет делать?

Регистратор. Не даст себя недооценивать.

Кюрман пьет чай.

Мы в полном восхищении от вашей жены, поверьте, в полном восхищении. Если говорить прямо, она заткнет вас за пояс. Не волнуйтесь, она не пропадет. Женщина с ее интеллектом найдет дорогу и без вашей помощи, господин Кюрман. Будьте спокойны. Антуанета знает, чего хочет. Она истая женщина, но и нечто большее — она личность. И в то же время нечто большее женщина.

Кюрман. Да-да.

Регистратор. Она откроет выставочный зал "Антуанета" или маленькое издательство "Антуанета". А если ничего не получится, вернется в Париж. В любой момент.

Кюрман. К своему танцовщику.

Регистратор. Сейчас она встретится с молодым архитектором, узнает, сколько стоит верхний свет. Возможно, свет окажется ей не по карману. Все равно молодой архитектор оценит Антуанету: независимая женщина, масса планов. Конечно, в один прекрасный день у нее может

родиться ребенок, и тогда все ее планы пойдут насмарку. Но вас, господин Кюрман, это не должно беспокоить. Антуанеты уже нет…

Кюрман. Да.

Регистратор. Побеспокойтесь лучше о вашем университете.

Кюрман садится к письменному столу.

В данную минуту вы держите в руках документ, который следует обнародовать на сегодняшнем совещании. Документ, касающийся Хорста Дитера Хорнакера, который баллотируется сегодня в ректоры, — фотокопию его подписи в тысяча девятьсот сорок первом году.

Кюрман просматривает документ.

Пора одеться, не то опять пропустите совещание. (Смотрит на часы, потом снова на Кюрмана.) Десять часов двадцать минут…

Кюрман. Можно переиграть?

Регистратор. Зачем?

Кюрман. Эту женщину я недооценил.

Регистратор. И опять недооцените.

Кюрман. Почему вы думаете?

Регистратор. Впрочем, как хотите.

Лампа дневного света гаснет. Антуанета возвращается.

Господин Кюрман желает переиграть эту сцену.

Кюрман снимает с Антуанеты очки.

Антуанета. В чем дело?

Кюрман. Не пущу.

Антуанета. Ведь у вас совещание.

Кюрман. Серьезно?

Антуанета. Серьезно.

Кюрман. Мы так и остались чужими.

Антуанета. В этом вся прелесть.

Кюрман. Почему вы смеетесь?

Антуанета. Хотите, чтобы я объяснилась вам в любви на следующее утро?

Пауза.

Отдайте очки.

Кюрман. У меня к вам предложение: я не пойду на совещание, кстати, очень важное, а вы пошлете к черту этого архитектора с его верхним светом, и мы отправимся за город, куда глаза глядят.

Антуанета. На лоно природы?

Кюрман. Сегодня чудесный день.

Антуанета. Будем бродить по полям и лесам.

Кюрман. Бродить не обязательно. Насчет полей и лесов я тоже не настаиваю. Лучше всего посидеть где-нибудь в деревенском кабачке, заказать рыбу и легкое вино. Не вижу здесь никакой пошлости.

Антуанета улыбается.

Антуанета, прошу вас.

Антуанета. Мне казалось, мы уже на "ты".

Кюрман. Извини. (Возвращает ей очки.)

Антуанета. Куда делись мои часы?

Кюрман. По-моему, они в ванной…

Антуанета уходит в ванную.

Регистратор. Стало быть, вы все же предпочли первую редакцию.

Зажигается лампа дневного света.

Помните, что было потом? (Читает досье.) "Обед в гостинице "У лебедя", спор о генерале де Голле. Вечером сидел один; известие о том, что Хорнакер избран ректором. Суббота утром — конец недели фрейлейн Штейн проводит у своих родителей. Понедельник — университет. Встреча в городе, аперитив, вечером оба были заняты. После полуночи телефонный звонок — верхний свет оказался слишком дорог…".

Кюрман. И так далее.

Регистратор. "Среда — Антуанета возвращается в Париж; в баре аэропорта мы даем друг другу слово не переписываться. Пятница — доклад в философском обществе "Наука о поведении и антропология". Суббота и воскресенье — в Париже с Антуанетой, отель "Пале-Рояль"".

Кюрман. И так далее, и так далее!

Регистратор. "Она секретарша в издательстве Галлимара".

Кюрман. Кому вы, собственно, это читаете?

Регистратор. И так далее. (Листает страницы, но уже не читает.) Счастье, путешествие в Грецию, счастье, аборт, счастье… (Вынимает из досье карточку.) "Мы вступаем в брак: Антуанета Штейн, Ганнес Кюрман, июнь тысяча девятьсот шестьдесят первого года".

Кюрман набивает трубку.

Стало быть, все остается по-старому. Но право выбора у вас сохраняется. Итак, завтрак совместный.

Кюрман. Да.

Регистратор (записывает в досье). "Завтрак совместный".

Внезапный шум на улице.

Кюрман. Что случилось?

Регистратор. Это не в счет.

Кюрман. Автомобильная катастрофа?

Регистратор. Да, так могло быть. (Берет листок бумаги.) "Двадцать седьмого мая, десять часов семнадцать минут. При выезде со стоянки легковая машина марки "Остин Купер" за номером девятьсот семь сто тридцать девять была сбита прицепом грузовика...".

Кюрман. Антуанета!

Регистратор. Видимо, она не смотрела в заднее стекло.

Кюрман. Погибла?

Регистратор. Возьмите себя в руки.

Кюрман. Погибла?

Регистратор. Резаные раны на лице. (Скомкал бумажку.) Но это не в счет, господин Кюрман; к счастью, мы уже отметили — "завтрак совместный".

Сирена кареты "скорой помощи".

Стоп!

Видна вся сцена. Тишина. На заднем плане — санитары с носилками.

Остается первая редакция.

Санитары уходят.

Освещается вся комната.

Регистратор. Дальше!

Антуанета возвращается из ванной.

Дальше! Чай уже на столе.

Кюрман и Антуанета по-прежнему стоят.

Почему вы не садитесь?

Кюрман. Неужели обязательно все повторять?.. Даже то, что не хочешь переигрывать?.. И отель "Пале-Рояль", и наше счастье, и все другое… Невозможно.

Антуанета. Невозможно.

Кюрман. И радость, и ожидание, и то, как она стояла на Восточном вокзале в Париже, и все вообще… Наши разговоры, наши разговоры в дни счастья… Разве мыслимо повторить их сейчас, когда тайна потеряла свою таинственность, когда исчезли неуверенность и то сосущее чувство ожидания… Вы думаете, это удастся? И то утро в Салониках и маленькое суденышко, на котором нас везли вместе с вонючим стадом овец… Ее шутки, мои шутки! Кого из нас они теперь рассмешат?…

Антуанета. Давайте пропустим!

Кюрман. Давайте пропустим!

Регистратор. Пропустить как раз то, что приносило радость?

Кюрман. Да.

Антуанета. Да.

Кюрман. Разве можно повторить радость, если знаешь, как она потом обернется?

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. Что же вы хотите переиграть? (Перелистывает страницы.) Аборт?

Кюрман и Антуанета переглядываются, секунду они в нерешительности, потом отрицательно качают головами.

Так что же? (Продолжает перелистывать досье.)

Кюрман. Теперь знаю, что мне хочется переиграть.

Регистратор. Ну?

Кюрман. Второе июня тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

Антуанета. А что тогда случилось?

Регистратор. Тысяча девятьсот шестьдесят третий год, июнь…

Кюрман. Утро.

Регистратор (просматривает досье, находит). Сцена с пощечиной?..

Кюрман кивает.

Пожалуйста.

Зажигается лампа дневного света.

Девять часов утра. Вас, госпожа Кюрман, все еще нет дома, и неизвестно, где вы.

Антуанета уходит.

Начали.

Кюрман раскуривает только что набитую трубку.

Тысяча девятьсот шестьдесят третий год. (Читает досье.) "Президент Кеннеди прибыл в Западный Берлин. Землетрясение в Ливии. Фиделю Кастро первому из иностранцев — присвоено звание Героя Советского Союза".

Кюрман. Не мой табак.

Регистратор. Не понимаю.

Кюрман. Скверный табак.

Регистратор. Зато дешевый.

Кюрман выбивает из трубки табак.

Регистратор. На это есть своя причина, господин Кюрман, ведь у вас теперь нет постоянного заработка....

Кюрман. Почему?

В комнате стоит господин в добротном пальто, держит в руке черную жесткую шляпу, рядом с ним — Кюрман. Кюрман засунул руки в

карманы халата. Видимо, между ними только что произошел длинный разговор.

Понятно, господин ректор, понятно.

Хорнакер. Прошу извинить за то, что прервал ваш завтрак. Но я счел своим долгом, долгом порядочности, прежде чем выступить перед ученым советом, еще раз объясниться. (Пауза.) Жду ясного ответа.

Кюрман. Да, господин ректор, я коммунист. Верю в цели компартии, в марксизм-ленинизм и прошу ученый совет сделать из этого факта те выводы, о которых только что шла речь.

Хорнакер надевает шляпу.

Регистратор. Подождите!

Хорнакер. Все ясно.

Регистратор. Но, может быть, теперь, прослушав прежний ответ, профессор Кюрман захочет ответить иначе. (Кюрману.) Может быть, этот ответ покажется вам сейчас слишком лобовым. Или слишком героическим.

Хорнакер снимает шляпу.

Кюрман. Господин ректор…

Хорнакер. Ну?

Кюрман. Нельзя утверждать, что, вступив в компартию в декабре тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, я совершил необдуманный шаг. Однако причины моего вступления были — как бы это сказать? —

скорее, личного порядка. Конечно, я считался с последствиями моего поступка, они меня не удивляют. Наоборот, я ждал, что они возникнут раньше. (Смеется, потом опять переходит на официальный тон.) Благодарю за беседу, господин ректор, и прошу ученый совет сделать соответствующие выводы.

Хорнакер надевает шляпу.

Регистратор. Подождите!

Кюрман. Первый ответ был лучше?

Регистратор. Короче.

Кюрман. Остановимся на первом.

Хорнакер. Вполне ясный ответ.

Кюрман. Для любителей ясности могу ответить еще яснее. (Ищет что-то.) Секунду.

Регистратор. Снимите еще раз шляпу.

Хорнакер снимает шляпу.

Кюрман. У меня хранится документ, который, как я полагаю, неизвестен ученому совету: фотокопия бумаги от тысяча девятьсот сорок первого года, подписанной тобою. (Поднимается и передает Хорнакеру бумагу.) В тысяча девятьсот сорок первом году ты позаботился о том, чтобы человека, который мог помешать твоей научной карьере, засадили в концлагерь со всей его семьей, засадили под маркой "охраны безопасности родины".

Хорнакер возвращает документ.

Скажешь, фальшивка?

Хорнакер. Конечно.

Кюрман. Попробуй докажи.

Хорнакер. Ошибаешься, мне нечего доказывать, доказывать придется тебе. И вряд ли у тебя что-нибудь получится на основании какой-то фотокопии, подсунутой коммунистами. Сомнительный источник.

Кюрман. Стало быть, я — нежелательный элемент.

Хорнакер. К моему великому сожалению.

Кюрман кладет фотокопию в письменный стол.

Можно наконец надеть шляпу?

Регистратор. Подождите!

Кюрман. Господин ректор… Словом, ты скотина, а университет, который выбрал тебя ректором… (Умолкает.)

Пауза.

Регистратор. Какой из ответов вы хотите выбрать?

Хорнакер. Для его дальнейшей судьбы это безразлично.

Кюрман. Пусть берет оба.

Хорнакер надевает шляпу.

Впрочем, нет… Ему вовсе не обязательно знать, что существует фотокопия… Первый ответ.

Регистратор. Господин ректор, только первый ответ в счет.

Хорнакер уходит.

Зажигается лампа дневного света.

Это было в тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

Кюрман. Я уеду из страны.

Регистратор. Сейчас уже тысяча девятьсот шестьдесят третий год, а вы так и не уехали.

Входит Хубалек, приносит утреннюю почту.

Кюрман. Моя жена еще не вернулась?

Хубалек. Еще нет.

Кюрман. Спасибо, госпожа Хубалек, спасибо.

Хубалек уходит.

Я не уехал…

Регистратор. Да.

Кюрман. И опять стою в том же халате, прождал ее всю ночь, думал-думал, когда она придет, как она придет. (Смеется.) Точь-в-точь так оно и было.

Регистратор. Нет, не точь-в-точь.

Кюрман. Сейчас десять часов.

Регистратор. В первой редакции вы не смеялись, господин Кюрман, вы очень нервничали.

Кюрман (подходит к телефону, набирает номер). Алло… Алло…

Регистратор. Почему вы молчите?

Кюрман. Потому что каждый раз в трубке что-то щелкает.

Регистратор. Тем не менее разговаривать можно.

Кюрман. А почему каждый раз в трубке что-то щелкает?

Регистратор. Ваш телефон подслушивают.

Кюрман кладет трубку.

Вот видите, кое-что все же изменилось…

Рабочие сцены вносят клавесин.

Кюрман. Это еще что такое?

Регистратор. Клавесин, поскольку вдруг оказалось, что Антуанета музыкальна. Помните?

Рабочие сцены уходят.

Кюрман. А что еще изменилось?

Регистратор. В доме — ни капли виски. Как известно, в первой редакции, дожидаясь Антуанету, вы довольно-таки часто прикладывались к бутылке. В остальное время, впрочем, тоже. Но врач убедил вас, что для печени это — яд. И вы чувствуете себя здоровее, чем в первой редакции.

Кюрман (прислушивается). Наконец!

Лампа дневного света гаснет.

Кюрман садится за письменный стол. Входит Антуанета. Она в вечернем платье, но уже в другом; новая прическа молодит ее.

Антуанета. Не сердись. (Пауза. Садится завтракать.) Тебе кланяются Шнейдеры.

Кюрман. Чай холодный.

Антуанета. Все жалели, что ты не пришел. (Наливает себе чай.) Милые люди, по-моему, очень интересные… (Пьет.) Шнейдеры тебе кланяются.

Кюрман. Это ты уже сообщила.

Антуанета. Ты завтракал?

Кюрман. Сейчас уже десять. (Делает вид, что работает.)

Пауза.

Антуанета. Хенрик тебе тоже кланяется.

Кюрман. Кто?

Антуанета. Хенрик.

Кюрман. Удивительно.

Антуанета. Почему удивительно?

Кюрман. Потому что Хенрик в Лондоне.

Антуанета (оборачивается, смотрит на Кюрмана). Ганнес… что случилось?

Кюрман. Это я тебя должен спросить.

Антуанета. Я прихожу домой…

Кюрман. В десять утра.

Антуанета…и передаю тебе привет от Хенрика…

Кюрман. Который теперь в Лондоне.

Антуанета. Стало быть, я лгу? (Берет сигарету, невозмутимо.) Хенрик не в Лондоне.

Кюрман вскакивает.

Регистратор. Тут как раз произошло изменение. На этот раз Хенрик не улетел в Лондон, на этот раз Антуанета не лжет, на этот раз неправы вы.

Кюрман. Извините. (Подходит к Антуанете, подает ей огня.)

Антуанета. Ты уже получил верстку? (Сидит и курит.)

Кюрман (стоит). Кто еще кланяется?

Регистратор. Она говорит о верстке вашей книги, которую издает в массовой серии издательство "Ровольт". "Бихевиоризм в популярном изложении". Как уже сказано, вы лишились твердого оклада, лишились института, где можно было заниматься исследованиями. Теперь вам впору радоваться любой работе. Вот вам и нечто новое.

Кюрман. Верстка пришла.

Часы бьют десять раз.

Где твои часы?

Антуанета смотрит на свою руку — часов нет.

У кого-нибудь в ванной?

Входит Хубалек.

Хубалек. Госпожа Кюрман…

Антуанета. В чем дело?

Хубалек. Заварить вам чай? (Берет чайник и уходит.)

Антуанета. Хотела бы я знать, какие у тебя, собственно, претензии? Мы женаты вот уже два года, я перевожу с утра до ночи. И если я не буду встречаться с людьми, на выставочном зале можно поставить

крест. Ты это сам говоришь. Тем не менее каждый раз, когда я прихожу из гостей, ты проверяешь, где мои часы. Что это, собственно, значит?

Кюрман. Скажи сама.

Антуанета. Что сказать?

Кюрман. Где ты была?

Антуанета (раздавила сигарету в пепельнице). Хочешь знать правду, ну так вот…

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. Вы и впрямь хотите знать правду? В тот раз правда пришлась вам очень не по вкусу. (Смотрит в досье.) Вы начали кричать. Сперва разбили чашку, потом закричали. Впрочем, крик продолжался недолго, все дальнейшее шло на пафосе. А когда Антуанета — она сохраняла ледяное спокойствие заметила, что вы ведете себя, как стопроцентный мещанин, вы влепили ей пощечину — ударили по левой щеке. Такой прыти вы от себя не ожидали, а Антуанета и подавно. И все же минуту спустя вы опять дважды ударили ее, на сей раз по правой щеке. А потом, чтобы не встречаться с ней глазами, стукнули кулаком по клавесину; при этом, согласно досье, были произнесены нижеследующие слова…

Кюрман отмахивается.

Вы действительно хотите знать правду?

Кюрман. Да, хочу.

Регистратор. Как угодно.

Лампа дневного света гаснет.

Антуанета. Хорошо, Ганнес, я ухожу. Немедленно. Сейчас не девятнадцатый век. И я не намерена все это терпеть.

Кюрман. Насчет часов я пошутил.

Антуанета. Хороша шутка, у тебя в лице ни кровинки.

Кюрман. Тогда прости.

Антуанета. Не желаю, чтобы на меня орали.

Кюрман. Я не ору.

Антуанета. Только потому, что знаешь: я тебя брошу.

Кюрман (берет в руки пустую чашку). Скажите, я крикнул хоть раз?

Регистратор. Нет.

Кюрман. Отметьте это.

Зажигается лампа дневного света, регистратор записывает в досье, потом лампа гаснет.

Антуанета. Молчишь, потому что знаешь: все, что ты думаешь, — пошлость. Да, пошлость. (Все больше горячится.) Это гнусно!

Кюрман. Что?

Антуанета. Твое отношение ко мне!

Кюрман. Не понимаю.

Антуанета. Лучше уж ори на меня! Да пусть прибежит Хубалек! Покажи себя во всей красе! Дай мне пощечину! Кюрман. Зачем?

Антуанета. Мещанская душонка!

Возвращается Хубалек с чаем.

Кюрман. Спасибо, госпожа Хубалек, спасибо.

Хубалек уходит.

Антуанета. Мы женаты вот уже два года. И первый раз за все время я не пришла домой ночевать, самый первый раз, но ты всегда устраивал мне сцены…

Кюрман. Антуанета…

Антуанета. Всегда!

Кюрман (помешивает ложечкой в пустой чашке). Это ты устраиваешь сцену, Антуанета. Что я делаю? Стою и пью чай.

Антуанета. Чай?

Кюрман. Чай.

Антуанета. Из пустой чашки.

Пауза.

Кюрман. Почему она плачет?

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. В первой редакции она не плакала, потому что вы, господин Кюрман, кричали. В первой редакции… А сейчас она плачет — оба супруга одновременно не могут быть на высоте. На этот раз преимущество за вами.

Лампа дневного света гаснет.

Антуанета. И все это я должна терпеть! Гнусно! (Кричит.) Гнусно! И еще раз гнусно!..

Кюрман. Что именно?

Антуанета. Почему ты сдерживаешься?

Кюрман (помешивает ложечкой в пустой чашке). Теперь, Антуанета, ты действительно ведешь себя так, будто я дал тебе пощечину. (Регистратору.) Скажите, я дал ей пощечину?

Регистратор. Нет.

Кюрман. Отметьте это.

Зажигается лампа дневного света, регистратор записывает в досье, потом лампа гаснет.

Я волновался. Работал. Читал верстку. Звонил. В два часа ночи. Шнейдеры уже спали. А "они" — Шнейдеры так и сказали, — "они" уже ушли.

Антуанета (вынимает что-то из сумочки). Вот мои часы.

Кюрман подходит к столу и наливает себе чаю.

Могу тебе сказать только одно: ты ошибаешься.

Кюрман. Тогда хорошо.

Антуанета. Не нахожу в этом ничего хорошего, Ганнес, это просто немыслимо… Такой человек, как ты, интеллигентный, да еще в твои годы — я хочу сказать, с твоим жизненным опытом… А в голове у тебя один вопрос спала ли я с кем-нибудь или нет. Неужели тебя больше ничего не интересует на этом свете? (Поднимается.) Предположим, я спала этой ночью с кем-то; предположим, это случалось каждый раз, когда ты подозревал… Ну и что? Я спрашиваю — ну и что? Неужели от этого погибнет вселенная?

Кюрман. Перестань городить чушь.

Антуанета. Да, я спала с любовником.

Пауза.

Кюрман. Хочешь еще чаю?

Антуанета (берет сумочку). Пойду переоденусь.

Кюрман. Иди.

Антуанета. Обедать я буду в ресторане. (Уходит.)

Регистратор. Ну вот, теперь вы знаете правду.

Зажигается лампа дневного света.

И вы не кричали, господин Кюрман, совсем нет. И не дали пощечину, хотя Антуанета этого ждала. Клавесин тоже остался цел. Вы вели себя, как человек с жизненным опытом. Как рыцарь без страха и упрека.

Кюрман. А что это дает?

Регистратор. Вы вели себя безупречно.

Кюрман. Суть дела от этого не изменилась.

Регистратор. Зато вы ощущаете свое превосходство.

Кюрман швыряет чашку о книжные полки.

Что за этим последует, вам известно…

Кюрман. Она с ним обедала. Не захотела сказать, как его зовут. Меня, мол, это не касается. Через месяц они укатили в Сицилию.

Регистратор. В Сардинию.

Телефонный звонок.

Разве вы не подойдете к телефону?

Кюрман. Нет.

Телефон продолжает звонить.

Все равно на том конце провода дадут отбой.

Регистратор. Откуда такая осведомленность?

Кюрман. Стоит ему услышать мой голос — и он сразу кладет трубку. Старые штучки. Меня больше не проведешь.

Входит Антуанета, в пальто.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Кюрман. Куда?

Антуанета. В город.

Кюрман. В город…

Антуанета. Я ведь тебе сказала, что обедаю в ресторане. Потом пойду в библиотеку. Вечером буду дома. (Надевает перчатки.)

Пауза.

Регистратор. Здесь, на этом самом месте, вы пространно извинялись и за пощечину, и за клавесин, и за все вообще. Но теперь это излишне…

Пауза. Антуанета продолжает надевать перчатки.

Кюрман. Позволь спросить — как его зовут?

Антуанета. Ради бога, оставь меня в покое. Вот все, что я могу тебе сказать. Не вмешивайся в мои дела. (Берет сумочку.) А если у нас с тобой что-нибудь изменится, я сама тебе сообщу. (Уходит.)

Регистратор. Другого нельзя было и ожидать!

Кюрман. Дальше!

Регистратор. Пощечину вы не дали, но она все равно не скажет. Словом, несмотря на ваше рыцарство, ничего, по существу, не изменилось. Зато вы чувствуете себя лучше, чем в первой редакции: на этот раз вам нечего стыдиться.

Кюрман. Дальше!

Регистратор. Разве вам не лучше?

Входит Хубалек с письмами.

Кюрман. Спасибо, госпожа Хубалек, спасибо.

Хубалек убирает посуду.

Регистратор. Это произошло неделю спустя. Пришло письмо, адресованное Антуанете, и вы его вскрыли, чтобы быть в курсе дела. Помните? После этого она велела писать ей до востребования.

Кюрман (рассматривает конверт). Госпожа Хубалек!

Регистратор. С этого все и началось. Вы вели себя недостойно.

Кюрман. Это письмо не мне, а жене. (Отдает письмо Хубалек, и та уходит.)

Регистратор. Видите — вы можете держать себя совсем иначе.

Кюрман. Дальше!

Регистратор. Сейчас вы рыцарь без страха и упрека.

Кюрман. А что произойдет через месяц?

Регистратор. Антуанета будет вам благодарна. Антуанета будет вас уважать. Правда, она, вероятно, все же велит писать ей до востребования, но уже не из чувства недоверия, а из чувства такта.

Кюрман. Я спрашиваю — что произойдет через месяц?

Регистратор. Лето тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. (Читает досье.) "Конрад Аденауэр впервые заговорил о своей отставке...".

Кюрман. Что произошло с нами? Меня интересует, что произошло с нами?

Регистратор. Вы все еще живете вместе.

Входит Антуанета, она в пальто, в руках у нее небольшой чемоданчик. Она ставит чемоданчик и надевает перчатки. Лампа дневного света гаснет.

Антуанета. Ганнес, мне пора.

Кюрман. Ничего не забыла?

Антуанета. Через неделю я вернусь.

Кюрман. Паспорт с тобой?

Антуанета. Не позже, чем через неделю. (Роется в сумочке — не забыла ли паспорт.)

Кюрман. Будьте осторожны в дороге. Я прочел сводку погоды — Готтард открыт, но из Италии сообщают о наводнениях, особенно у Виа Аурелиа.

Антуанета. Мы летим.

Кюрман. Неужели? А ведь раньше…

Регистратор. Очевидно, перемена.

Антуанета. Передумали — на этот раз мы летим.

Кюрман. Тогда можно не беспокоиться.

Антуанета. У Эгона всего неделя свободная.

Пауза.

Кюрман. Что делать с почтой на твое имя?

Антуанета. Деньги на хозяйство я дала Хубалек.

Кюрман. Когда улетает ваш самолет?

Антуанета. В час дня.

Кюрман смотрит на свои часы.

Письма можешь мне не пересылать. Ничего срочного я не жду и через неделю уже вернусь. В понедельник или во вторник, Ганнес, самое позднее… (Пауза.) Что ты делаешь?

Кюрман. Читаю верстку…

Антуанета опять берет свой чемоданчик.

У тебя много времени, Антуанета, уйма времени. До аэропорта — минут сорок, не больше. А сейчас только десять. Даже еще нет десяти. (Регистратору.) Почему она нервничает?

Регистратор. Вы ведете себя, как рыцарь без страха и упрека. Антуанета ожидала совсем другого. В первой редакции как раз в эту минуту началась многочасовая семейная сцена — вы признались, что вскрыли ее письмо. Антуанета пришла в ярость. Вы должны были повторить свое признание много раз, унимать ее, просить прощения. Только после этого она наконец взяла чемодан и ушла.

Кюрман. Она приедет на аэродром слишком рано.

Регистратор. Потому что ей нечего прощать.

Часы бьют десять раз.

Антуанета. Ганнес, мне пора идти. (Целует Кюрмана.)

Кюрман. Будьте осторожны с машиной… я хочу сказать — в самолете.

Антуанета уходит.

Его зовут Эгон.

Регистратор. Да, в его анкетных данных нет никаких перемен.

Зажигается лампа дневного света.

(Читает досье.) "Штахель, Эгон, год рождения — тысяча девятьсот двадцать девятый, архитектор, женат, католик".

Кюрман. Штахель.

Регистратор. Его имя вы слышали уже три года назад, но не обратили внимания. А теперь вам все уши прожужжали этим молодым человеком. Имя Эгон и фамилия Штахель не сходят с уст ваших знакомых, особенно тех, которые еще ничего не знают. Его, видимо, очень ценят. И не только как архитектора. А как человека тоже. Кроме того, он на редкость музыкален…

Кюрман подходит к домашнему бару.

Как я уже докладывал, виски в доме больше нет. Тут произошла перемена.

Кюрман стоит в нерешительности.

Почему вы не работаете? Она права — неужели вы не можете думать ни о чем другом, кроме ваших семейных дел?

Кюрман. Замолчите!

Регистратор. Разве в мире нет иных проблем?

Кюрман молчит.

Хотите опять вернуться назад?

Кюрман. Зачем?

Регистратор. Как угодно.

Кюрман. Что произойдет спустя полгода?

Входит Хубалек с почтой.

Спасибо, госпожа Хубалек, спасибо.

Хубалек уходит.

Регистратор. Вышла ваша книга в массовой серии.

Кюрман. Наконец-то.

Регистратор. Она вам нравится?

Кюрман (перелистывает книгу; после паузы). А что еще произошло?

Входит Антуанета, она в пальто.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Регистратор. Видите, вы все еще женаты.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Кюрман. В город.

Антуанета. В город.

Кюрман. После обеда пойдешь в библиотеку.

Антуанета. После обеда пойду в библиотеку.

Кюрман. Вечером будешь дома.

Антуанета. Этого я еще не знаю. (Уходит.)

Кюрман. Этого она еще не знает! (Швыряет книгу в угол.)

Регистратор. Вам не нравится ее оформление?

Кюрман опускается в кресло.

Это было в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. (Читает досье.) "Обстоятельства убийства президента Кеннеди в Далласе, штат Техас, все еще не выяснены. Бундесвер добился наибольшего числа дивизий, предусмотренных НАТО двенадцати дивизий..."

Кюрман. А что произойдет спустя год?

Регистратор. Тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. (Читает досье.) "Старт советского космического корабля "Восход-два". Леонов через специальный люк покидает корабль, он первый человек, который вышел в космос. Десять минут парит в безвоздушном пространстве. Управляемая посадка после семнадцати витков вокруг Земли".

Кюрман. Госпожа Хубалек!

Регистратор. Не кричите!

Кюрман. Почему завтрак все еще на столе? Госпожа Хубалек! Почему она не убирает посуду? Госпожа Хубалек!

Входит молодая итальянка.

Пина. Professore desidera?[33]

Регистратор. Госпожа Хубалек умерла.

Кюрман. La tavola. Prego Per favore[34].

Регистратор. Эту девушку зовут Пина, она из Калабрии.

Кюрман. Come sta, Pina?[35]

Пина. Melio, Signore, molto melio, grazie[36].

Кюрман. Bruto tempo in questo paese[37].

Пина. Eh[38].

Кюрман. Eh.

Пина забирает посуду и уходит.

Регистратор. Вы делаете успехи в итальянском.

Кюрман. А что еще?

Регистратор. Вы стареете. (Смотрит на досье.) Сейчас вам сорок восемь, господин Кюрман. А через два года стукнет пятьдесят. (Смотрит на Кюрмана.) О чем вы думаете?

Кюрман молчит.

И еще этот сон: зубы выпали, и точно камни забили весь рот. Раньше этот сон вам тоже снился, но в последние годы он повторяется все чаще…

Кюрман. А что еще?

Регистратор. В маразм вы еще не впали.

Кюрман. Благодарю.

Регистратор. Честное слово! Хотя Томас, ваш сын, придерживается, вероятно, другого мнения.

Появляется Томас, у него прическа, как у битлсов.

Модная прическа.

Кюрман. Мнение Томаса меня не интересует.

Томас. Вот-вот! Поэтому с ним и немыслимо разговаривать... "Когда я был в твоем возрасте" — эти слова я не перевариваю. Возможно, тогда люди так и жили, но сейчас все по-иному. И не к чему ворошить старье, тыкать в нос свою биографию. (Садится на письменный стол.) Я хочу жить, как мне нравится.

Кюрман. Оно и видно.

Томас. Ну и что? (Размахивает курткой.) Он отстал от жизни. Какой прок в опыте?..

Регистратор. Томасу сейчас двадцать три.

Томас. Что ты мне собирался сказать?

Кюрман. Ничего.

Томас. О'кей.

Кюрман. Ты молод, Томас, но пока молодость — это единственное, что у тебя есть за душой. Да еще эта прическа. Что ты знаешь о самом

себе? Только одно — ты делаешь то, что хочешь. Но попробуй жить с сознанием совершенной ошибки.

Регистратор. Господин Кюрман, этого вы не хотели говорить.

Кюрман. А вы попробуйте жить с сознанием совершенной ошибки. Я говорю правду. Ведь вы еще ничего не пережили. Вы молокососы! Ничего не пережили, черт возьми! (Кричит.) Ничего!

Томас. Па, ты просто стареешь.

Кюрман молчит.

Регистратор. Почему вы это опять повторили?

Томас уходит.

Кюрман. А что произошло еще?

Появляется Антуанета, в пальто.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Регистратор. Минутку. (Перелистывает досье.) Без сомнения, произошло множество разных событий, ведь не простояли же вы все это время в халате. Например, вы ездили в Россию.

Кюрман. Ну и как?

Регистратор. Насчет этого вы храните молчание. До сих пор. В России вы пробыли почти полгода, встретиться с Кролевским не удалось. Вы, конечно, понимаете, господин Кюрман: некоторые люди,

основываясь на вашем молчании, могут подумать, что Россия вас разочаровала.

Антуанета. Эгон тоже был в России.

Кюрман. Эгон!

Антуанета. И он много рассказывал.

Кюрман. Эгон — реакционер.

Антуанета. Что же ты молчишь? Ведь ты за прогресс. (У нее нет времени продолжать этот разговор.) Одним словом, я ухожу.

Кюрман. Почему мы не разводимся?

Антуанета. Вечером я буду дома.

Кюрман. По-моему, я тебя о чем-то спросил.

Антуанета. Прошу прощения.

Кюрман. Почему мы не разводимся?

Пауза.

Регистратор. Обоснуйте это решение. В первой редакции в то утро вы следующим образом обосновали свои слова (читает досье): "Мы бесполезно тратим время, Антуанета. Я люблю тебя, но мы бесполезно тратим время".

Кюрман. Бесполезная трата времени.

Регистратор. "Человек живет только раз".

Кюрман. Я так сказал?

Регистратор. Банально, но трогательно. (Читает досье.) "Однажды, уже давно, ты мне сказала… помнишь? Если у нас с тобой что-нибудь изменится, ты мне сама сообщишь".

Антуанета. Да.

Регистратор. "На наши отношения это не повлияет. Эгон — католик".

Антуанета. Что ты хочешь этим сказать?

Регистратор. "Для него брак нерасторжим".

Антуанета. Да.

Регистратор. "И это, выходит, придает святость нашему браку тоже".

Кюрман. Так и есть.

Регистратор. "Знаю, ты не желаешь, чтобы с тобой разговаривали в таком тоне. И тем не менее я за развод".

Кюрман. И притом немедленный.

Регистратор. "Хорошо".

Антуанета садится.

Хотите переиграть этот разговор?

Кюрман. Я надеялся его избежать. Вел себя, как человек с жизненным опытом. Не вскрывал чужих писем. И так далее. Надеялся на то, что…

Регистратор. Эгон испарится?

Кюрман. Да.

Регистратор. Не тот случай.

Кюрман. Да.

Регистратор. Стало быть, вы и на этот раз хотите развестись.

Кюрман. Немедленно.

Пауза.

Антуанета (берет сигарету). Ты уже обращался к адвокату?

Кюрман. Нет.

Антуанета. Зато я обращалась к адвокату. По его мнению, проще всего нам взять одного защитника. Так называемый развод "без обоюдного согласия" будет тянуться по меньшей мере год… (Закуривает сигарету.)

Кюрман. А что будет через год?

Регистратор. Тысяча девятьсот шестьдесят шестой год.

Кюрман. Что произошло тогда?

Слышен плач грудного младенца.

Ребенок?

Регистратор. Да.

Кюрман. Его?

Регистратор. Нет.

Кюрман. Мой?

Регистратор. Нет.

Кюрман. Чей же?

Регистратор. Ребенка родила молодая итальянка.

Младенец замолкает.

Вот что произошло еще. (Смотрит на досье.) Рефлекс Кюрмана, считавшийся в свое время большим открытием, на базе которого выросла целая наука, был опровергнут новейшими исследованиями.

Опять слышен плач младенца.

Антуанета. Ганнес, я ухожу. (Раздавила в пепельнице сигарету.) Нам надо либо идти к адвокату и разводиться, либо наконец перестать говорить на эту тему. Все уже говорено-переговорено тысячу раз. (Поднимается.) После обеда я пойду в библиотеку.

Кюрман. После обеда ты пойдешь в библиотеку.

Антуанета. А вечером буду дома.

Кюрман. Вечером будешь дома.

Антуанета. Если что-нибудь изменится, я тебе позвоню. (Уходит.)

Регистратор. И вот тут-то как раз, господин Кюрман, вы и сказали: если бы можно было начать сначала, вы бы знали точно, как построить жизнь по-иному.

Кюрман стоит неподвижно.

Не хотите ли начать еще раз сначала?

Кюрман стоит неподвижно.

Вы ее любите...

Кюрман подходит к полкам и вытаскивает спрятанный за книгами револьвер; все это он проделывает, стоя спиной к регистратору, а потом так же, осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, взводит курок.

Регистратор. Это уже тоже было — вы хотели застрелиться, считали, что не можете жить без нее, но потом подняли себя на смех. (Находит в досье.) Сентябрь тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

Неподалеку опять барабанят на рояле, те же такты, пауза, затем такты снова повторяются. Регистратор закуривает. Наступает тишина.

Регистратор. И мы, честно говоря, ждали чего-то большего от человека, который получил возможность начать жизнь сначала, более смелых решений…

Кюрман. Да.

Регистратор. Можно было не делать ничего выдающегося. Пускай. Но все же следовало поступить как-то по-иному, хотя бы не так, как раньше. (Курит.) Почему вы, например, не эмигрировали?

На экране появляется фотография — Кюрман в тропическом шлеме.

Кюрман на Филиппинах. Наука о поведении — опыты на птицах, которые не водятся в наших широтах. Жизнь естествоиспытателя — суровая, но увлекательная…

Кюрман. Да.

Регистратор. Спросите этого Кюрмана о Хорнакере — и он не сразу вспомнит, кто это, собственно, такой, а если вспомнит — усмехнется. Или спросите его о некоем Эгоне.

На экране появляется фотография Кюрмана в окружении дам.

Кюрман в роли Дон Жуана.

Кюрман. Прекратите!

Регистратор. Не знаю, это ли вы имели в виду, высказывая желание начать жизнь сначала и так далее.

Кюрман. За кого вы меня принимаете?

Регистратор. Во всяком случае, это хоть какая-то перемена.

На экране появляется фотография Кюрмана в мантии.

А коль скоро вы не эмигрировали ubi bene ibi patria[39], надо было набраться терпения, проявить малую толику осторожности и хитрости и помалкивать, дабы не вызывать недовольства. И тогда Кюрман мог бы стать ректором университета и вершил бы всеми делами вместо Хорнакера. Мир от этого, конечно, не изменился бы, но зато в вашем университете, одном из многих университетов, произошли бы кое-какие изменения.

На экране появляется фотография — Кюрман в уличной драке.

Почему вы не вышли на улицу?

На экране появляется фотография — Катрин, Кюрман и целый выводок детишек.

Раз уж вы могли все переиграть, так почему вы не попробовали, например, удержать Катрин от самоубийства? Может, ей только того и надо было — иметь полон дом детей, которые сражались бы в бадминтон.

Кюрман. Замолчите!

Регистратор. Воскресный день, Кюрман в роли папочки.

Неподалеку опять барабанят на рояле, те же такты, они повторяются; фотографии исчезают. Наступает тишина.

А вместо этого — та же квартира. Та же Антуанета, и все то же, только без пощечины. Здесь вы повели себя немного иначе. Кроме того,

вы стали коммунистом, но не стали при этом другим человеком. Что еще? Еще вы соблюдаете диету, хотя и не очень строгую. Вот и все перемены. К чему было огород городить? Кюрман. Я ее люблю.

Входит Антуанета, она в пальто.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Кюрман смотрит на револьвер, который он все еще сжимает в руке.

Ганнес, я ухожу.

Кюрман. Слышу.

Антуанета. Не забудь, что сегодня вечером у нас гости. Шнейдеры тоже придут. И Хенрик. И еще кое-кто…

Кюрман. После обеда ты в библиотеке.

Антуанета. Слышишь, что я говорю?

Кюрман. И еще кое-кто.

Антуанета. После обеда я в библиотеке.

Кюрман оборачивается. В руках у него револьвер, и эти вечные ссоры ему осточертели. Он целится. Первый выстрел.

(Даже не шевельнулась, стоит в той же позе). Ганнес.

Второй выстрел.

Кюрман. Она думает, это сон.

Третий выстрел.

Антуанета. Ганнес, я ухожу.

Кюрман. В город.

Антуанета. В город.

Четвертый выстрел.

Вечером я буду дома.

Пятый выстрел; Антуанета наконец падает.

Регистратор. Да, господин Кюрман, вы действительно стреляли.

Кюрман. Я?..

Освещается вся сцена. Сверху спускается серая стена, закрывающая комнату; двое рабочих ставят перед ней тюремные нары и уходят.

Появляется Кюрман, в арестантской одежде.

Регистратор. Можете сесть.

Кюрман садится.

(Берет досье и садится рядом с ним.) Утром двадцать девятого апреля тысяча девятьсот шестьдесят шестого года вы пять раз выстрелили в свою жену, Антуанету Кюрман, урожденную Штейн, окончившую философский факультет; никакой серьезной ссоры между вами в тот день не произошло. Пятый выстрел, выстрел в голову, оказался смертельным… Во время предварительного следствия вы

показали, что шестая, еще оставшаяся в револьвере пуля предназначалась для вас самого: вы хотели кончить жизнь самоубийством, но вместо этого, как явствует из досье, вызвали полицию и сделали подробное признание. И так далее. (Листает досье.) На вопрос, раскаиваетесь ли вы в содеянном, вы дали нижеследующий ответ: вы, мол, поражены, ибо никак не ожидали этого от себя…

Кюрман молчит.

Согласно психиатрической экспертизе, невменяемость не установлена. И так далее. (Листает досье.) Имущественное положение. (Листает.) Прошлая жизнь обвиняемого. (Листает.) Прошлая жизнь убитой. (Листает.) На вопрос о том, почему вы стреляли в ничего не подозревающую женщину, вы дали несколько ответов. Читаю один из них: "Внезапно я понял, как все пойдет дальше…" В другой раз вы ответили так, читаю: "Жена сказала или собиралась сказать, что после обеда пойдет в библиотеку. Поскольку эту фразу я слышал уже неоднократно и она мне опротивела, я выстрелил, выстрелил, так сказать, в эти слова, чтобы их больше не слышать…"

Кюрман молчит.

Приговор гласит: пожизненное заключение. От последнего слова, которое дается подсудимому до вынесения приговора, вы отказались… Может, потребуете пересмотра дела?

Кюрман. Нет.

Регистратор. Позвольте тогда задать вам один вопрос.

Пауза.

Думаете ли вы сейчас, зная, как обернется ваша жизнь, думаете ли вы, точнее, верите ли, ощущаете ли, сидя в этой камере, склонность,

потребность, готовность или, скажем, желание… Готовность, которую вы не знали прежде, которая могла, наверное, возникнуть после того, как вы осознали собственную вину… желание…

Кюрман. Готовность к чему?

Регистратор. Первое время вы будете сидеть в камере, потом вас пошлют работать в поле или в столярную мастерскую, еще позже, возможно, в канцелярию. Канцелярская писанина и тому подобное… Сейчас вам, господин Кюрман, сорок девять; при хорошем поведении досрочное освобождение, как известно, не исключено, но для этого должно пройти не меньше двенадцати лет… Вам, стало быть, минет шестьдесят один. Будем надеяться, что вы доживете до такого преклонного возраста… Вы поняли мой вопрос?

Кюрман. Вы хотите сказать: чтобы все это вытерпеть, надо найти смысл в том, что произошло?

Регистратор. Мое дело — спросить.

Кюрман. А смысл этот, по-вашему, вот в чем. Человек обязан уверовать: все, что произошло с ним, — должно было произойти. Доказательств никаких, принимай на веру. Именно так, а не иначе. Судьба. Рок.

Регистратор. Примерно в этом роде.

Кюрман. Но я-то знаю, как все произошло.

Регистратор. Случайно?

Кюрман. Да, этого могло и не быть.

Пауза.

Регистратор. Господни Кюрман, у вас есть право выбора.

Кюрман. Уверовать или не уверовать?

Регистратор. Да.

Кюрман (поднялся, прошел по камере; останавливается). А она?.. Она?.. Уверовал или не уверовал?.. Разве это что-нибудь меняет в ее судьбе? Ее жизнь — не моя жизнь… Какая польза для мертвой в том, что я, ее убийца, вымощу свою камору роком? Я погубил чужую жизнь… Ее жизнь… Какой тут может быть выбор?… Она убита, убита, а я должен выбирать — уверовать или не уверовать. (Смеется.) Раскаяние! То, что вы именуете раскаянием.

Регистратор. Что вы хотите этим сказать?

Кюрман. Она могла остаться в живых. Это вовсе не должно было случиться. Могла жить, смеяться, мечтать о выставочном зале "Антуанета", хотя его никогда не будет, иметь ребенка от кого-нибудь, лгать, спать с любовником, радоваться новому платью… Жить…

Регистратор (поднимается). Тогда переиграем еще раз. (Подходит к своей конторке, вынимает несколько страниц из досье и бросает их в корзинку для бумаг.) Прошу вас.

Лампа дневного света гаснет.

Серая стена поднимается кверху и исчезает. В комнате — небольшое общество, все сильно подвыпили; скоро уже утро. Кое-кто из гостей сидит прямо на полу. Антуанета играет на клавесине, но ее никто не слушает, кроме белокурого молодого человека, который стоит у стены с полками. Все остальные пьют, флиртуют, смеются.

Антуанета (внезапно обрывает свою игру). Я не играла уже целую вечность.

Смех.

Хенрик. Антуанета — гениальная женщина. Где Кюрман? Надо сказать ему, что Антуанета — гениальная женщина. Кюрман!

Чей-то голос. Не ори.

Хенрик. Надо сказать ему.

Пауза.

Первая дама. Дети, пора домой.

Чей-то голос. Как вы относитесь к гномам, которых ставят на клумбах перед дачами?

Первая дама. Завтра у господина Кюрмана много работы.

Антуанета. Хотите, я состряпаю суп с клецками?

Никто не шевелится.

Хотите, я состряпаю суп с клецками?

Одна из дам взвизгивает.

Хенрик. Что вы делаете с моей женой?

Вторая дама. Мне больно. Не дури.

Шнейдер. Кому ты это говоришь?

Вторая дама. Тебе. Шнейдер. Я тут ни при чем.

Смех.

Хенрик. Мэгги!

Вторая дама. Опять ты орешь.

Хенрик. Почему ты не гениальная женщина? Почему?

Вторая дама. Хенрик — болван.

Хенрик. Антуанета — гениальная женщина. Разве человек может уйти от жены, если она — гениальная женщина. Теперь я окончательно понял: Антуанета — гениальная женщина, и она не играла на клавесине целую вечность.

Вторая дама. Хенрик пьян в стельку.

Антуанета. Хотите, я состряпаю суп с клецками?

Шнейдер. Вот уже час, как ты долдонишь одно и то же…

Тишина.

Чей-то голос. Тихий ангел пролетел.

На авансцене Кюрман, в арестантской одежде, смотрит на гостей; прошелся по комнате и исчез, но его никто не заметил.

Хенрик. Шнейдер!

Шнейдер. Не ори.

Хенрик. Хочешь суп с клецками?

Антуанета. Кто хочет суп с клецками?

Чей-то голос. Как вы относитесь к гномам?

Шнейдер. Кто хочет суп с клецками?

Чей-то голос. Гномы.

Несколько голосов. Суп с клецками.

Несколько голосов. Гномы.

Звенят рюмки.

Хенрик. Все происходит оттого…

Шнейдер. Отчего?

Хенрик. Меня не желают слушать.

Первая дама поднимается.

Госпожа Штахель хочет уходить. Первая дама. Уже пора.

Хенрик. У госпожи Штахель трое детей.

Антуанета подходит к белокурому молодому человеку.

Хенрик. Антуанета!

Шнейдер. Замолчи.

Хенрик. Шушукаться запрещено.

Белокурый молодой человек садится за клавесин.

Штахель!

Чей-то голос. А что будет с супом?

Хенрик. Ваша жена хочет уходить, у вашей жены трое детей…

Штахель играет на клавесине, он играет лучше, чем Антуанета, и мало-помалу к его игре начинают прислушиваться. Появляется Кюрман, он в домашнем халате; сначала его не замечают.

Кюрман воскрес… Твое воскресение, Кюрман, не производит особого впечатления, но жена у тебя — высший класс; да, Кюрман, знай, такую жену ты не заслужил.

Кюрман (подходит к Антуанете). Я состряпаю суп с клецками.

Аплодисменты, они прерывают игру на клавесине.

Но на это уйдет время. (Уходит.)

Хенрик. Такого мужа ты не заслужила, Антуанета. Знай. Вы оба друг друга не заслужили.

Вторая дама. Пусть Эгон поиграет еще.

Хенрик. Мэгги!

Вторая дама. Ну что?

Хенрик. Послушай, ты будешь свидетельницей. Скажи, я стряпал когда-нибудь суп с клецками?

Вторая дама. Нет.

Штахель продолжает играть. Кюрман подходит к регистратору.

Регистратор. А я думал, вы стряпаете суп с клецками. Что случилось? Вам нездоровится? Ваши друзья ждут суп с клецками.

Кюрман. Что будет через год?

Регистратор. Хотите знать?

Кюрман. Что будет через год?

Сверху спускается белая стена, которая закрывает комнату. Перед стеной стоит Кюрман; медсестра прикатывает кресло на колесиках.

Сестра. Вам еще нельзя вставать, господин Кюрман. После операции прошло всего три недели. (Подводит Кюрмана к креслу на колесиках.) Наберитесь терпения, господин Кюрман, наберитесь терпения. (Закрывает его одеялом.) Боли у вас есть? (Уходит.)

Регистратор. Сейчас вам сделают укол.

Клавесин замолкает.

Кюрман. Что случилось?

Регистратор. Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. (Читает досье.) "Военная диктатура в Греции...".

Кюрман (прерывает его). Сколько времени я уже лежу в больнице?

Регистратор. С января.

Кюрман. А теперь июнь.

Регистратор. Правильно.

Кюрман. Печень здесь ни при чем?

Регистратор. Да.

Кюрман. Так что же у меня?

Регистратор. С печенью вы были осторожны.

Кюрман. Никто не говорит, чем я болен.

Регистратор. Главный врач сказал, что у вас гастрит.

Кюрман. Сначала говорили, что неизвестно.

Регистратор. На редкость упорный гастрит.

Медсестра приносит стул и снова уходит.

Кюрман. Почему никто не скажет мне правду?

Появляется господин с черным моноклем на левом глазу.

Регистратор. Хотите принять гостя?

Кюрман. Нет.

Регистратор. Это Шмиг. Помните? Жертва игры в снежки. Но он, как видите, преуспел в этом мире. Даже без левого глаза. Торговый атташе. Хочет рассказать вам о Южной Африке. Этому человеку есть о чем порассказать. Ну а еще он хочет вас утешить. Никто не застрахован от болезней.

Появляется какая-то дама.

Госпожа Штахель.

Кюрман. Что ей надо?

Регистратор. Ничего.

Кюрман. Зачем же она пришла?

Регистратор. Сочла своим долгом. Эгон уже в Бразилии, на рождество и она с детьми переселяется туда. Поэтому она сочла своим долгом навестить вас.

Появляется человек с бородкой.

Кто вы такой?

Человек оглядывается по сторонам.

Он хочет поговорить с вами, но только с глазу на глаз.

Появляются господин и дама.

Шнейдеры.

Кюрман закрывает глаза.

У господина Кюрмана начались боли.

Появляется молодая девушка.

Это Марлис.

Кюрман. Кто?

Регистратор. Марлис была вам необходима, когда вы начали сомневаться в том, что вы мужчина. Люди благодарны тем, кому они были необходимы. Марлис тоже хочет вас утешить.

Вчера она совершенно случайно узнала, что вы уже много месяцев в больнице.

Кюрман. Марлис?..

Регистратор. Марлис — глупенькая, но без претензий. Может быть, она заговорит о метастазах, но только потому, что эта Марлис вечно путает иностранные слова.

Входит человек в пальто из верблюжьей шерсти.

Господин Витциг, именуемый Хенрик, консультант по рекламе.

Человек с бородкой собирается уходить.

Побудьте еще.

Кюрман. Вы — Кролевский?

Регистратор. Он вас узнал.

Кролевский садится, другие посетители уходят. Появляется медсестра с цветами.

Сестра. Посмотрите, господин Кюрман, посмотрите. Цветы от вашего сына из Америки. (Вынимает букет из бумаги.) Какой большой букет роз!

Кюрман. Сестра Агнеса…

Сестра. У вас хороший сын.

Кюрман. Можно мне поговорить с главным врачом?

Сестра (перебирает розы). Сейчас, господин Кюрман, сейчас.

Регистратор. Почему вы не делаете ему укол?

Сестра. Сейчас, господин Кюрман, сейчас.

Входит врач в белом халате, его сопровождает молодой ассистент.

Кролевский уходит.

Врач. Ну, господин Кюрман, как делишки? Как мы сегодня спали? (Сестре.) Он был в состоянии есть?

Сестра. Пил чай. Врач (берет у сестры историю болезни). Ну вот, господин Кюрман, постепенно ваше самочувствие улучшается. (Передает историю болезни ассистенту.) Господину Кюрману уже

хочется гулять! (Берет Кюрмана за плечо.) Быстрая утомляемость — это от облучения. Ничего страшного. И все же, как ни печально, придется дать еще несколько сеансов. (Представляет ассистента.) Мой новый ассистент господин Финк.

Ассистент. Функ.

Врач. Он будет наблюдать за вами, пока я не вернусь из отпуска. Господин Финк, насколько мне известно, тоже шахматист. (Хочет пожать Кюрману руку.) Через три недели, господин Кюрман, мы с вами опять увидимся…

Кюрман. Господин профессор…

Врач. Надо набраться терпения.

Кюрман. Можно мне с вами поговорить?

Ассистент и медсестра уходят.

Теперь известно, что со мной?

Врач. Вы слишком вникаете.

Кюрман. Можете говорить откровенно.

Врач. Гастрит. (Сняв очки, протирает стекла.) На редкость упорный гастрит… (Разглядывает стекла очков на свет.) Знаю, господин Кюрман, о чем вы думаете, это первое, что приходит человеку в голову, когда он слышит об облучении. (Надевает очки.) Не нагоняйте на себя страха. Через три недели, как сказано, я опять буду с вами.

Кюрман молчит.

Доктор Финк вам очень понравится…

Кюрман. Функ.

Врач. Добросовестный человек. (Опять снимает очки, смотрит стекла на свет.) Собственно, я собирался в Грецию, но после недавних событий… (Снова надевает очки.) А вы бы на моем месте поехали в Грецию?

Кюрман молчит.

Господин Кюрман.

Кюрман. Да.

Врач. Надо набраться терпения.

Кюрман. Разве при гастрите делают операцию?

Врач. Нет.

Кюрман. Почему же мне сделали операцию?

Врач. Вам не делали операцию, господин Кюрман.

Кюрман. Зачем же мне тогда сказали…

Врач. Кто сказал?

Кюрман. Сестра Агнеса.

Врач (садится). Буду говорить с вами откровенно…

Кюрман. Можете. Я не подам виду.

Врач. Конечно, и у нас была такая мысль, к чему скрывать. Иначе мы не пошли бы на операцию.

Кюрман. А зачем вы меня облучаете?

Врач. В данном случае — мера предосторожности. И вы это должны понять. До тех пор, пока вы здесь, я хочу сказать, пока мы не уверены, я хочу сказать, не вполне уверены, что у вашего гастрита не будет рецидивов… Наверное, этот гастрит был у вас и раньше. Боли в желудке. А вы думали, это печень… Мы. господин Кюрман, хотим сделать буквально все возможное, чтобы болезнь не перешла в хроническую форму. (Пауза.) Какие красивые цветы!

Кюрман. Подарок сына.

Врач. У вас есть сын?

Кюрман. В Америке.

Врач. А я и не знал.

Кюрман. Он получил стипендию.

Врач. Что он изучает?

Кюрман. Он занимается кино.

Врач. Да ну?

Кюрман. Способный парень.

Пауза.

Врач. Повторяю, господин Кюрман, мы должны сделать все возможное, чтобы гастрит не стал хроническим… облучение — удовольствие маленькое, сами понимаем… Сколько вам лет? Как показывает статистика, известный риск в нашем с вами возрасте существует. Во всяком случае, мы обязаны предпринять все возможное, иначе это будет безответственно. (Поднимается.)

Кюрман. Благодарю вас.

Врач. Что вы читаете? (Берет в руки книгу.) "Итальянский язык. Самоучитель". (Перелистывает.) Хотите знать, когда вам наконец разрешат путешествовать? Вполне понятно. (Кладет книгу на место.) В Чинзано осенью тоже красиво… пожалуй, еще красивей…

Кюрман. Я просто боюсь.

Врач. Чего? Облучения?

Кюрман. Нет. Боюсь медленно сдохнуть.

Стук в дверь. А жена знает? Стук в дверь.

Врач. Хотите услышать всю правду? Мы сами не понимаем, что с вами.

Входит Антуанета, в пальто. Врач идет ей навстречу, пожимает руку, они шепчутся в сторонке.

Кюрман. О чем вы шепчетесь?

Врач уходит.

Вы всегда говорили — у меня есть право выбора.

Регистратор. Да.

Кюрман. В чем оно заключается сейчас?

Регистратор. В том, как вы воспримете неизбежность конца.

Антуанета (подходит ближе). Я достала тебе книги. (Вынимает из портфеля книги.) Боли есть?

Кюрман. Мне сделают укол.

Антуанета (садится). Тебя кто-нибудь навещал?

Кюрман. Мне кажется, да.

Антуанета. Кто именно?

Кюрман. Марлис.

Антуанета. Марлис?

Кюрман. Уже не помню…

Входит медсестра со шприцем.

Сестра. Господин Кюрман.

Кюрман. Не уходи, Антуанета!

Сестра. Сейчас вы почувствуете себя лучше. (Делает укол.) В одиннадцать будем облучаться. (Прикладывает к месту укола вату.) Сейчас господин Кюрман почувствует себя лучше. (Удаляется.)

Кюрман. Сегодня я хотел выйти в сад…

Антуанета берет книгу.

Я говорил с ним… Мы говорили очень откровенно.

Антуанетта заметно испугалась.

Они сами не понимают, что со мной. И он сказал, что в Чинзано осенью тоже красиво. Если мы поедем туда на машине, до всех других мест будет рукой подать. Я смотрел по карте. Оттуда до Рима сто семьдесят пять километров, до Сиены семьдесят восемь — пустяки.

Антуанета. Да, Ганнес, да.

Кюрман. Ты была в Сиене?

Антуанета. Да, Ганнес, да.

Кюрман. А я нет.

Антуанета (раскрывает самоучитель). Где мы остановились?

Кюрман. Dezima Lezione[40].

Антуанета. Что желаете, сударь?

Кюрман. Che cosa desidera il Signore[41].

Антуанета. Il Signore desidera…[42]

Кюрман. Vorai una cravatta[43].

Антуанета. Где зеркало?

Кюрман. Dove c'e in specchio?[44]

Антуанета. Dove si trova…[45]

Кюрман. Dove si trova un specchio?[46]

Антуанета. Зеркало.

Кюрман. Dove si trova il specchio.

Антуанета. Lo specchio.

Кюрман. Lo specchio, lo studio, lo spazio[47].

Антуанета. Множественное число.

Кюрман. Gli specchi[48].

Антуанета. Одиннадцатый урок.

Кюрман молчит.

Что случилось, Ганнес?

Кюрман. Я хотел это тебе написать. Когда ты здесь, они обязательно делают мне укол, и я уже больше не помню…

Зажигается лампа дневного света.

Регистратор. Я записал. (Читает на клочке бумаги.) "Мы казались друг другу мельче, чем были на самом деле. Почему мы всё мельчили? Я мельчил тебя, ты — меня. Мы знали друг друга только в уменьшенном виде". (Откладывает бумажку.) Вот и все, что пришло вам в голову без морфия.

Лампа дневного света гаснет.

Антуанета. Одиннадцатый урок.

Кюрман. Undicesima Lezione[49].

Появляется молодой ассистент.

Они опять хотят меня облучать.

Антуанета (поднимается). После обеда я приду еще раз.

Молодой ассистент увозит Кюрмана в кресле.

Он все понимает.

Регистратор. Только иногда, далеко не всегда…

Долгая пауза, Антуанета стоит неподвижно.

Да… Это может продолжаться еще много месяцев. Вы приходите ежедневно, с некоторых пор по два раза в день. Но и вы его не спасете, госпожа Кюрман, понятное дело. Может быть, лет через десять, а то и через год появится какое-нибудь средство. Но сейчас от судьбы не уйдешь…

Антуанета направляется к выходу.

Госпожа Кюрман!

Антуанета. Да.

Регистратор. Скажите, и вы тоже жалеете о тех семи годах, которые прожили с ним?

Антуанета, не понимая, смотрит на регистратора.

А что, если я скажу вам: и вы имеете право переиграть, и вы можете начать сначала… Будете вы знать, что именно изменить в своей жизни?

Антуанета. Да.

Регистратор. Да?

Антуанета. Да.

Регистратор. Тогда — пожалуйста…

(Выводит Антуанету.)

Так вот, вам разрешено переиграть.

Освещена вся сцена. Комната Кюрмана восстанавливается в прежнем виде.

Появляется Антуанета, в вечернем платье, садится в кресло и ждет.

Все — как в начале первой сцены: голоса за сценой, смех. Наконец наступает тишина, и вскоре после этого входит Кюрман, что-то насвистывая. Увидев молодую женщину, замолкает.

Антуанета. Скоро и я пойду.

Молчание.

Кюрман (стоит в нерешительности, потом начинает убирать со стола бутылки и рюмки, убирает пепельницы. Опять в нерешительности останавливается). Вам нездоровится?

Антуанета. Нет, что вы! (Берет сигарету.) Выкурю еще одну сигарету и пойду. (Тщетно ждет, что Кюрман подаст ей огонь). Если, конечно, я вам не мешаю. (Закуривает сама, затягивается.) Мне понравилось. Ваши знакомые очень милые люди, по-моему, очень интересные. Молчание.

А выпить у вас еще есть?

Кюрман (идет и наливает виски). Вам со льдом? (Передает ей рюмку виски.)

Антуанета. А вы не будете пить?

Кюрман. Мне завтра работать.

Антуанета. Чем вы занимаетесь?

Часы бьют два раза.

Кюрман. Уже два часа.

Антуанета. Вы кого-нибудь ждете?

Кюрман. Нет, что вы!

Антуанета. Устали?

Кюрман. Падаю с ног.

Антуанета. Почему же не садитесь?

Кюрман по-прежнему стоит и молчит.

Не могу пить быстрее. (Пауза.) Собственно, мне просто захотелось еще раз услышать ваши старинные часы. Такие часы — моя слабость. Когда они бьют, фигурки начинают двигаться и делают одни и те же движения. Все известно наперед, но каждый раз это почему-то волнует. (Медленно выпивает свою рюмку.) Правда?

Кюрман подходит к часам, подкручивает их. Раздается веселая музыка. Подкручивает часы до тех пор, пока валик не кончается.

Кюрман. Чем еще могу служить?

Антуанета (тушит сигарету). Пора идти.

Кюрман. Вы на машине?

Антуанета. Да. (Встает и берет свою накидку.) Почему вы на меня так смотрите? (Надевает накидку.) Почему вы на меня так смотрите? (Берет сумочку.)

Кюрман смотрит на нее подозрительно — не верит, что она уйдет.

Мне завтра тоже работать.

Кюрман провожает ее к лифту. Некоторое время в комнате никого нет. Потом Кюрман возвращается.

Кюрман. А что сейчас?

Регистратор. Она ушла.

Кюрман. А что сейчас?

Регистратор. Вы — свободны.

Кюрман. Свободен…

Регистратор (открывает досье). "Двадцать шестого мая тысяча девятьсот шестидесятого года. У меня гости. Время уже позднее. Гости наконец разошлись, но она осталась. Как вести себя в два часа ночи с незнакомой женщиной, которая не желает уходить, сидит и молчит? Того, что случилось, могло и не быть". (Переворачивает страницу.) Завтра в одиннадцать у вас совещание. (Кладет раскрытую папку на письменный стол и отходит назад.) Пожалуйста.

Кюрман стоит неподвижно.

Регистратор. Вы свободны… Еще семь лет…

Занавес

6

Витгенштейн, Людвиг — известный австрийский философ-неопозитивист. Основной труд его опубликован в 1922 году в Кембридже.

7

Название табака — "утренняя трубка" (англ.).

8

Адорно, Теодор — современный западногерманский философ, эстетик, музыковед и литературный критик.

9

Шёнберг, Арнольд (1874–1951) — известный австрийский композитор, с 1934 года жил в США. Наиболее влиятельный представитель музыкального экспрессионизма, основатель атональной музыки.

10

Киркегор, Сёрен (1813–1855) — известный датский теолог и философ. Считается предшественником современной философии экзистенциализма.

11

В чем дело? (англ.).

12

Умирает мать… (англ.).

13

Так что ты собираешься делать? (англ.).

14

Почему ты не едешь в Европу? (англ.).

15

Почему ты не едешь? (англ.).

16

Что он вам говорит? (англ.).

17

Теперь уже слишком поздно… (англ.).

18

Да (англ.).

19

Почему ты не поехал? (англ.).

20

Из-за меня?.. (англ.).

21

Мне нужно идти… (англ.).

22

Почему? (англ.).

23

Хорошо… (англ.).

24

Вовсе это не хорошо, вовсе, но я должен оставить тебя, действительно должен… (англ.).

25

Ты трус (англ.).

26

Я всегда знала, что ты такой (англ.).

27

Счастливо оставаться (англ.).

28

Несуществующее может стать реальностью, но реальность не может стать несуществующей (латин.).

29

Русская икра, лососина, страсбургский паштет, эскарго (род съедобных улиток) по-бургундски (франц.).

30

Блюдо из макарон. Пельмени со сливками. Пельмени с грибами Лапша с зеленым сыром (итал.).

31

Наше фирменное блюдо (итал.).

32

Голубая форель (франц.).

33

Чего хочет профессор? (итал.).

34

Уберите. Со стола. Пожалуйста (итал.).

35

Как дела, Пина? (итал.).

36

Хорошо, синьор, очень хорошо, благодарю вас (итал.).

37

Скверное время года для этой страны (итал.).

38

Да (итал.).

39

Где хорошо, там и родина (латин.).

40

Десятый урок (итал).

41

Что хочет синьора (итал.).

42

Синьора хочет… (итал.).

43

Хотите иметь галстук (итал.).

44

Где зеркало? (итал.).

45

Где находится… (итал.).

46

Где находится зеркало? (итал.).

47

Зеркало, урок, пространство (итал.).

48

Зеркала (итал.).

49

Одиннадцатый урок (итал).